

КАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Д 53

Н. ДМИТРИЕВ

Р173749
ЧЕСТЬ РОДИНЫ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1941

Н. П. ДМИТРИЕВ

ЧЕСТЬ РОДИНЫ

РАССКАЗЫ О НАРОДНЫХ ГЕРОЯХ

Рисунки
М. РОДИОНОВА

**ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД**

СОДЕРЖАНИЕ

Страж Балтики	3
Иван Сусанни	13
Честь родины	22
Старостиха Василяса	30
Солдатская слава	43
Третий бастион	55
На сопках Маньчжурии	65

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *Л. ЭЙХЛЕР.*

Подписано к печати 6.V 1941 г. Ф., печ. л. (3,92 уч.-изд. л.). 370 88 зн. в печ. л.
Тираж 75 000 экз. А36727. Заказ № 670. Цена 1 р. 25 к.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва,
Сушевский вил, 49.

СТРАЖ БАЛТИКИ

На бугре показался всадник. Ветер трепал льняные волосы на голове. Заслонив ладонью глаза, он пылливо всматривался в даль.

Солнце поднималось над горизонтом. Озаренные багровым светом волны тихо бежали к берегу, гудко разбиваясь о камни. За бугром вздымались острые вершины соснового бора.

Всадник повернул в лес. Конь шел шагом по узкой тропе.

Кругом было тихо. Изредка хрустел попавший под копыто сучок.

Порой дорогу пересекали полувысохшие болотца. Тогда под копытами хлюпала вода.

Наконец лес стал редеть. Всадник выехал в низину. Вызревающая желтая рожь колыхалась и шуршала. Конь пошел по меже.

Десятка два крестьян работали на поле. Когда всадник поровнялся с ними, его окликнули:

— Эй! Пельгусий!.. Откуда едешь?

Всадник указал рукой в сторону моря.

— Рыбу ловил?

Пельгусий отрицательно покачал головой.

Натянув поводья, он остановил коня и крикнул:

— Эй, Укко! Вейнелайнен!

Молодые карелы, бросив работу, подошли к нему.

— Добрый день, староста! Что надо? — спросил один из них, отирая ладонью вспотевшее лицо.

— Море сторожить надо, — хмуро сказал всадник. — Ваша очередь.

— Работы много, — ответили парни. — К вечеру пойдем.

Пельгусий кивнул головой.

— Так, так, ладно... Стрелы с собой возьмите. К ночи к вам опять заеду, — и тронул повод.

Проехав часть поля, он повернул в лес. Где-то высоко в ветвях перекликались дрозды. Дятлы гулко долбили сосновые стволы.

Узкая тропа вилась впереди.

Деревья редели. Сквозь просветы проступала синяя полоса воды. Пахнуло дымком.

На краю береговой косы дымил костер. Четыре человека сидели вокруг огня. Увидав Пельгусия, они вскочили.

Он подъехал к костру, сошел с коня, держа в руке повод.

— Какие вести?

— Рыбу жарим, — отвечали сторожа. — Хочешь есть?

Пельгусий, не ответив, воткнул копьё в землю, привязал к нему ременный повод, присел к огню.

Ему подали пахнущую дымом рыбу. Он взял ее и стал есть.

Места, которые объезжал Пельгусий, назывались по имени жившего здесь карельского племени водян, или вожан, Водской пятиной. Это была пятая часть древних новгородских владений.

Вожане пахали землю, сеяли лен, охотились в лесах за разным зверем, ловили рыбу. Жили они мирно, платили дань вольному Новгороду и охраняли свою землю вдоль побережья Финского залива.

Порядком смены караулов ведал староста Пельгу-

сий. В среде своих соплеменников он пользовался глубоким почетом.

Время было беспокойное. Древняя Русь имела много врагов. Каждый день можно было ожидать внезапного нападения. С суши грозили бедой Литва и ливонские рыцари — немцы. С моря могли приплыть норвежские викинги или шведы, совершавшие на своих кораблях воинственные набеги на балтийское побережье.

Над Невой, далеко уходя в море, висел туман. У берега он клубился и таял.

На длинной поросшей тальником песчаной косе, покачиваясь, пылал огонь.

Подъехав ближе к сторожевому посту, Пельгусий заметил, что люди спят. Только один из сторожей, повернувшись спиной к костру, пел от скуки уныло и протяжно:

Иэй!.. Туман! Иэй, туман, туманок...
Иэй!.. По морю туман, иэй, похаживае...

Соскочив с коня, Пельгусий стал будить спящих.

— И-е! Иэй! — закричал он. — Вставайте! Тайнелайнен, Кокко, Юмала! Вставайте!.. Смотреть надо. И-эй!..

Подняв охрану на ноги и разбранив за леность, Пельгусий сел в седло и поехал дальше. С моря тянул ветер, Завеса тумана редела.

Вдруг сквозь мглу что-то блеснуло. Пельгусий остановился, всматриваясь в задернутую дымкой, глухо гудящую морскую даль.

Далеко, у края горизонта, ползли, двигаясь к берегу, смутные тени.

Вот над свинцовой рябью показался парус. За ним другой, третий.

Белые корабельные крылья росли, приближались. Пельгусий смотрел, не шевелясь, не отводя глаз от сливающегося с волнами тумана.

Корабли плыли к берегу. Все явственней становились их очертания. Вот один повернулся боком. Мелькнула золоченая голова коня, украшавшая носовую часть. Пельгусий сразу понял, кто эти пришельцы.

Он поскакал к сторожевым огням, отчаянно вопя сквозь свистевший ветер:

— Враги! Враги!

Подъехав к ближайшему костру, он ударил копьём по пылавшему валежнику так, что искры разлетелись в разные стороны.

Люди вскочили в испуге, не понимая, что случилось.

— Иэй! — закричал Пельгусий. — Шведы пришли... Беда будет! Гаси огонь! — и поехал дальше.

Стража разбросала костер.

Пельгусий спешил к лодкам. Бросив коня, он сорвал причал и прыгнул в челн. Оттолкнувшись веслом от берега, стал торопливо грести. Рябь побежала от весел.

Вражеский флот приближался к опустевшему берегу.

Большое шведское войско плыло к устью Волхова, чтобы начать поход на вольный торговый Новгород. Далеко опередив его, мчался легкий челнок Пельгусия.

Доплыв по Волхову до городской пристани, Пельгусий выскочил на берег. Было утро. Новгород еще спал. Видя бегущего по улице косматого карела с шапкой, зажатой в кулак, редкие прохожие останавливались и, думая, что это бежит вор, кричали:

— Эй! Стой! Куда?

Добежав до княжьего двора, Пельгусий ловко миновал зазевавшегося часового и, проскочив в ворота, добрался до главного терема.

Воин Савва дремал на крыльце. Услышав скрип ступеней, он вскочил и схватил незнакомца за шиворот.

— Ты что?

— Князя нужно! — вырываясь, бормотал Пельгусий. — Враг пришел. Пусти!

— Какой враг? — шумел Савва. — Стой! Тебе говорят!

Крик разбудил спавших в сенях сторожей. Они выскочили на крыльцо.

— Ребята, — деловито бросил им Савва, — помогай! Вяжи вора!

Князь Александр Ярославович выглянул в окно спальни и, увидев отбивающегося от сторожей человека, крикнул:

— Что случилось? Кого ловите?

— Человек какой-то, княже, — отвечал Савва. — Должно, вор.

— Веди ко мне! — сказал князь. — Да потише.

Пельгусия повели наверх.

— Кто таков? — спросил князь.

Карел упал в ноги.

— Шведы пришли.

— Где они? — спросил Александр.

— Далеко. С моря пришли... Шнявы¹. Много их. Ох! Беда!.. — Речь карела была непонятна, отрывиста.

Князь усадил его на лавку и стал расспрашивать. Пельгусий комкал шапку, рассказывал.

— Так, — сказал Александр Ярославович, внимательно выслушав его. — Меча ищут, что ж. Эй, Савва! Беги в звонницу!

Воин выскочил из горницы.

Вскоре тревожно загудел вечерой колокол. Во дворах захлопали калитки. Со всех концов Великого Новгорода потянулся на Софийскую сторону народ, недоумевая, откуда в столь раннее время пришла беда.

Вече уже гудело от разноголосого говора. В толпе мелькали бороды купцов, бледные лица мастеровых и высокие шапки бояр.

У вечерой башни собрались знатные люди Новгорода.

Александр Ярославович вышел на помост и поднял руку. Шум стих.

— Слушай, господине! — крикнул он. — С Ильменя идут шведы полонить наши вольности. Будем ли бойться, господине?

— Головы положим за Великий Новгород! — отвечала площадь.

Сквозь толпу пробирался всадник в крылатом шлеме и латах.

— Свей, свей! — шептали в толпе.

Видя воина в незнакомом одеянии, горожане отступали, пропуская его вперед.

Это был посол шведского вождя Биргера. Добравшись до помоста, он потребовал князя.

Александр Ярославович подошел к краю помоста.

— Что тебе нужно? — спросил он.

---

¹ Шнява — плоскодонное двухмачтовое парусное судно.

Посол молча протянул ему грамоту.

Александр Ярославович пробежал ее глазами.

«Князь, — писал Биргер. — Я стою уже на земле твоей. Ратоборствуй, если посмеешь».

— Слушай, господине вольный Новгород! — крикнул князь. — Враг уже на нашей земле!.. Нас немного, но сила не в числе, а в правде.

— Все как один пойдем за тобой! — загудело вече. — Веди нас!..

— Будем ли просить помощи из других городов? — спросил Александр Ярославович.

— Сами одолеем! — отвечала площадь.

Александр Ярославович указал послу на гудящее море голов:

— Вот... Иди и передай Биргеру все, что видишь и слышишь.

Новгородцы шли лесными дорогами, чтобы не попасть в засаду. Впереди ехала дружина и шли боярские полки. За ними шагала, вооруженная пиками, топорами и дрекольем, пешая рать из ремесленников и крестьян, поднявшихся на защиту родной земли.

Шли быстро. Пельгусий ехал впереди, указывая путь. Александр Ярославович ехал рядом с ним.

По дороге присоединились отряды ладожан. Они спешили на помощь Новгороду. Хотя их было немного, но все же это была подмога.

Новгородская рать подошла к устью реки Ижоры, впадающей в Неву. Было раннее утро. В лесу перекликались птицы. Высланные вперед лазутчики донесли, что шведы стоят лагерем в ложбине, выставив по краям обступающего ложбину леса свои дозоры.

Александр Ярославович остановил рать, разделил полки, чтобы напасть на шведов с разных сторон. Передовой полк под начальством Сбыслава Якуновича должен был ударить в середину вражеского войска. Другой конный полк, Ратмира, — с левого фланга. Ладожане — с правого. Гаврило Олексич, лучший витязь с отборными воинами, — отрезать шведов от кораблей. Кожевнику Мише с отрядом охотников было поручено подойти со стороны реки к шведским судам и поджечь их.

Новгородцы ворвались в лагерь...

Всем ратникам приказано было итти тихо, не звенеть оружием.

Пельгусий вместе с лазутчиками вызвался снять дозорных. Осторожно пробираясь меж кустов, он пополз к опушке леса. Лазутчики следовали за ним.

Шведский лагерь еще спал в раскинутых палатках, не ожидая нападения. Кое-где пылали костры. Люди у костров дремали, завернувшись в широкие плащи.

Еле слышно продвигаясь, Пельгусий подкрался к первому дозорному и оглянулся. Лазутчики подползли к остальным.

Пельгусий хрустнул веткой. По этому знаку лазутчики бросились на дозорных.

Пельгусий ударил часового мечом.

Потом бросился к следующему. Огромного роста швед отбивался мечом от наседавших на него двух русских разведчиков.

Схватив лежавшее на земле копьё, Пельгусий метнул его в шведа. Копье, со свистом разрезав воздух, вонзилось в руку. Швед выронил меч, и разведчики тут же зарубили его.

У ближайшего к дозорным костра проснулся один из воинов и поглядел на опушку. Но там уже все было кончено. Короткий, еле слышный шум борьбы сменился тишиной.

Подходившие к лагерю головные отряды новгородцев с нетерпением ждали условного сигнала.

— Почто медлит Пельгусий? — сказал Сбыслав Якунович. — Уж не ударить ли нам не выжидая?

Но Александр Ярославович отрицательно махнул рукой.

Вдруг в лесу защебетали птицы: одна, другая, третья. Это лазутчики извещали, что перебили дозорных.

Тотчас передовой полк Сбыслава Якуновича ворвался в середину лагеря, рубя не успевших взяться за оружие шведов.

Другой конный полк, Ратмира, ударил с левого фланга, пробиваясь к центру, где стояла палатка Биргера с золотым верхом.

Шведы пытались объединиться, построиться в боевой порядок. Но новгородцы наседали и расстраивали их ряды. Битва перешла в рукопашную схватку.

Только на правом крыле шведским копьеносцам

удалось построиться. Они начали теснить ладожан. Но ловкий новгородец Яков Половчанин, с горстью храбрецов обойдя их, ударил с тыла и снова смял строй копыеносцев.

Воин Савва с несколькими товарищами тем временем пробился к златоверхому шатру Биргера и подсек столб. Шатер упал. Шведы, думая, что вождь их убит, бросились к кораблям. Кожевник Миша с отрядом пехоты уже поджег корабли. Пожар увеличил панику среди врагов.

Биргер и лучшие рыцари, оттеснив новгородскую пехоту, кинулись к оставшимся судам. Новгородцы пустились за ними в погоню.

Витязь Гаврило Олексич, преследуя Биргера, въехал по трапу на судно. Но шведы подрубили доски, конь оступился, и витязь упал в воду.

Пельгусий поспешил к нему на помощь и помог выбраться вместе с конем на берег. Гаврило Олексич въехал на другой корабль, рубя всех, кто попадался навстречу.

А Пельгусий впереди пешего отряда с мечом в руках ворвался на судно, где был Биргер. Шведы отчаянно дрались, защищая своего военачальника. Меч Пельгусия упорно прокладывал дорогу сквозь толпу телохранителей. Кругом него падали порубленные люди. Но новгородцев было мало.

Заметив, что Пельгусий хочет добраться до шведского вождя, Александр Ярославович бросился с запасной дружиной на подмогу храброму вожатину. Став рядом, они прорубались сквозь толпу.

Пельгусий убил трех шведов, прикрывавших Биргера. Александр Ярославович рванулся вперед и достал шведского вождя мечом. Но лезвие скользнуло, оцарапав только Биргеру лицо. Лучшие шведские воины бросились на помощь и заслонили своего предводителя. Сын Биргера упал, сраженный Пельгусием. Не спастись бы и Биргеру, если б не случайная удача. Соседней шняве удалось поднять паруса. Она пристала к судну, на котором защищался Биргер, и, зацепившись крючьями за борт, приняла к себе вождя. Отойдя на середину реки, шнява присоединилась к остальным судам, спасавшимся от преследования.

Новгородцы досадовали, что нет ладей, не на чем

догнать врагов, уходящих на всех парусах вниз по реке. Новгородские ратники бежали по берегу, размахивая мечами и вызывая шведов на новую битву. Но те уходили все быстрее.

Над рекою сгущались сумерки. Надвигалась ночь. Александр Ярославович приказал бить отбой, прекратить бесполезное преследование врага.

Отойдя к противоположному берегу, подальше от места битвы, шведы, не зажигая огня, всю ночь хоронили убитых и наутро покинули Ижору, торопясь уйти в открытое море. На трех судах они увозили тела знатных рыцарей, чтобы похоронить их в отечестве.

Русская рать возвратилась в Новгород с пленниками и богатой добычей. Горожане вышли навстречу победителям с хлебом-солью. Радостно звонили колокола... Пять дней праздновал народ победу и в честь ее прозвал Александра Ярославовича Невским.

А Пельгусий вернулся из Новгорода домой и по-прежнему продолжал охранять границу русской земли.

ИВАН СУСАНИН

«Куда ты ведешь нас... Не видно ни зги!»
Сусанину с сердцем вскричали враги.

К. Рылеев.

Шел 1613 год. Небольшой польский отряд, высланный на разведку, пробираясь сквозь дремучий Костромской лес, сбился с пути.

В лесу мела метель. Ветер свистел, качая хвойные вершины. Колочая снежная пыль клубилась в воздухе, падала, застилая дорогу.

Кони храпели, проваливаясь в глубокие сугробы.

Усатый огромного роста рейтар¹, придерживав своего вороного скакуна, повернул голову к ехавшему позади спутнику и хрипло сказал:

— Ясновельможный пан сотник! Дюже темно. Ничего не видно. Добро б шлях какой, а здесь, куда ни глянь, бесова дорога. Так и сгинуть можно в этом проклятом лесу.

Сотник взглянул на отягощенные снегом мохнатые лапы сосен, грозно нависавшие над головой. Над их

---

¹ Рейтар — конный польский солдат.

вершинами быстро плыли рваные облака. Сгущался сумрак. Лес тонул в наплывающей темноте.

— Наберитесь терпенья, пан Кулжинский, — хмуро ответил сотник. — Здесь где-то скоро должна быть лесничья сторожка.

Крики ехавших по лесу рейтар прервали разговор.

— Дорогу нашли! Дорога! — кричали поляки.

Сотник и пан Кулжинский, повернув коней, поехали на шум. Слева в прогалине столпились конники.

Меж елями действительно вилась, уходя вдаль, узкая промятая тропа. Отряд двинулся гуськом. Метель стихла, в лесу стало еще темней и сумрачней. Кони шли, тихо позвякивая сбруей.

Озябшие поляки недовольно ворчали.

Вдруг где-то впереди залаяла собака.

— Жильё! — раздались обрадованные голоса.

Кони прибавили шаг. Цоканье копыт стало звонче и отчетливей. Собачий лай все усиливался. Лес начал редеть. Отряд выбрался на поляну. Из мрака вынырнуло строение, похожее на курную избу.

В окне, затянутом бычьим пузырем, тускло мигал огонь.

Поляки оцепили сторожку. Собака с громким лаем бросилась к двери.

Пан Кулжинский, сотник и двое рейтар слезли с коней.

Дверь в сторожку загудела от ударов. В сенях слышались шаги. Чей-то женский голос спросил:

— Кто там?

— Отворяй, пся крев!

Женщина ушла из сеней в избу. Обозленные рейтары начали стучать еще громче. В сенях опять послышалось шарканье чьих-то ног. Мужской голос спросил:

— Кто вы, люди добрые?

— Отворяй! Дверь выломаем! — заорал сотник.

Щеколда звякнула. В щель высунулась косматая мужичья голова.

Увидав конников в незнакомых одеждах, лесник в страхе отпрянул назад. Рейтары уцепились за приоткрытую дверь и вломились в сенцы.

В избе чадила и мигала горящая лучина. Жена лесника при виде незваных гостей от испуга закрестилась.

Сотник и пан Кулжинский сели на скамью. Расстегнув обмерзшие шубы, они приказали позвать переводчика. В избу вошел рейтар с заиндеветыми от мороза усами.

— Спроси, как звать этого холопа? — сказал сотник, указывая на хозяина сторожки.

Переводчик поглядел на босого бородатого лесника. Он стоял посредине избы, исподлобья разглядывая поляков. Рейтар перевел ему слова сотника.

— Звать Иваном, — угрюмо отозвался лесник.

— Иванов много, а по прозвищу как?

— Сусаниным кличут, — неохотно ответил лесник.

Поляк передал ответ сотнику.

— Спроси, в какие места мы попали и далеко ли до Костромы?

Рейтар задал Сусанину новый вопрос.

— Домнинские мы, наше село здесь близко, — объяснил лесник, — а до Костромы верст, почитай, тридцать будет.

— Спроси, а еда есть у него какая-нибудь: хлеб, мясо? — сказал пан Кулжинский переводчику.

Мужик виновато развел руками:

— Известно, какая у нас еда. Мы люди бедные. Щи да молочишко.

— Пусть все дает сюда, пся крив! — проворчал сотник. — А не то, мы сами разыщем.

Усач перевел его слова. Лицо Сусанина дрогнуло и сразу опять застыло. Врагов было слишком много. Он взглянул на жену, сидевшую в углу на скамье, и глухо пробормотал:

— Ладно, люди добрые. Снедь кой-какую найдем. Мне бы только в чуланчик...

— Так пошевеливайся, пся крив! — прикрикнул рейтар и заговорил с паном Кулжинским по-польски.

Сусанин кивнул жене:

— Чего забилась? Идем, Домна, помоги по хозяйству.

Она встала, поправила платок и пошла следом за ним, топая грязными ступнями.

Оба вышли в сенцы.

Сусанин шепнул жене:

— Беда, Домна. Вороги нагрянули. Вытаскивай все, что есть.

Жена заплакала и отперла чуланчик. Вынула каравай, хотела было закрыть дверцу.

— Постой. Давай и молоко, — сказал Сусанин.

— А ребятам как же? На утро ничего не останется, — спросила Домна.

— Ничего, проживут. К вечеру надоишь. Не дать — так последнее отберут. Слышь, Кострому ищут. Как бы оповестить воеводу? Ума не приложу. Ну, идем!

Оба вернулись в избу.

Пока они разговаривали в чулане, лесная сторожка наполнилась рейтарами. Лучина в светце пылала ярким пламенем.

— Угощай гостей, Домна, — сказал Сусанин.

Домна положила на стол каравай, нарезала его толстыми ломтями. Поставила солонку и кринку с молоком. Подошла к печи, отодвинула дощатую заслонку, подала полякам горшок с кашей.

Рейтары пододвинули поближе к столу скамьи, принялись за еду.

— Каков холоп, пан Кулжинский? — спросил сотник.

— Дюже ловок, ясновельможный пан сотник. Даже нагайки не просит.

Сотник захохотал.

— Доведет ли до Костромы, как мыслите, пан Кулжинский?

— Чего ж ему не довести! Мы на конях, а он и пешком дойдет.

— Добре, — весело сказал сотник, — надо до света поспеть, — и поманил пальцем переводчика.

Усатый рейтар встал и подошел ближе.

— Скажи ему, — буркнул сотник, указывая на Сусанина, — чтоб довел нас до Костромы.

Усач повторил приказание. Лесник, будто не понимая, исподлобья глядел на поляков. Сотник вытащил из кармана бархатный мешочек; зазвякали монеты.

— Скажи этому медведю, — приказал он, — за труды мы ему заплатим золотыми карбованцами. Скажи, что как возьмем Москву, от круля Сигизмунда ему еще большая милость будет.

— Стоит ли дарить карбованцы грязному холопу? — проворчал пан Кулжинский. — С него и нагайки довольноно.

— Подождите, пан, — ответил сотник, — холоп без

посула с места не тронется. Пообещать надо, а давать или нет — это наше дело. Может, потом мы его повесим на первой осине...

Сидевшие вокруг стола поляки одобрительно захотали.

— Мы сбились с пути. Идем к своим, — обратился рейтар к Сусанину. — Ясновельможный пан сотник спрашивает: можешь ли довести нас до Костромы? Он тебе за это сто карбованцев даст.

Сусанин нахмурился, но медлил с ответом.

— Что он молчит? — нетерпеливо спросил сотник. — Скажи ему: если не захочет, то мы и заставить можем!

Переводчик повторил вопрос более сурово.

— Провесь-то, мил человек, можно... отчего не проведь, — отвечал лесник, — только ишь темень-то какая да непогодь...

— Дурень! — сказал переводчик. — Тебе ясновельможный пан сотник много золотых сулит. Богачом будешь. Собирайся!

Сусанин потупился, поглядел на затянутое бычьим пузырем окно. Вдруг лицо его озарилось какой-то затаенной решимостью. Он покосился на сидевшую в углу жену, вздохнул и перевел глаза на переводчика.

— Ладно, мил человек, — обронил он, — вот только одежонку накину...

И, повернувшись к жене, крикнул:

— Домна! Армяк давай!

— Ну что? Он согласен или нет? — спросил сотник.

Переводчик утвердительно кивнул головой. Сусанин присел на кровать, обматывая портянками босые ступни. Он торопливо шепнул жене:

— Домна, буди скорей Алешку. Пусть оденется по теплее да бежит к тестю. А как добежит, чтоб будил Богдашку, сказал бы ему, пусть седлает каурого и скачет в Кострому да там передаст воеводе: вороги в Домнино пришли, мол. Посылайте ратных людей, не то беда будет.

— Что они там перешептываются? — спросил пан Кулжинский. — Поторопи-ка холопа.

Рейтар обернулся:

— Эй ты, дурень, пошевеливайся! В дорогу пора.

Сусанин засуетился.

— Тороплюсь, уважаемые. Вот только онучки намотаю, — и опять крикнул жене: — Домна! Оглохла, что ли? Армяк где?

Баба полезла на печь, стащила с лежанки армяк и шапку, подала ему.

— Как уйдем, пошли Алешку, слышишь? — шепнул он, торопливо надевая на ноги лапти. — Да не мешкай смотри... Коль промедлишь, беда будет...

Домна молча кивнула головой. По лицу ее бежали слезы. Сусанин встал, влез в армяк, подпоясался.

— Вот, мил человек, — обратился он к переводчику, — я готов. Пошли, что ли?

Рейтар перевел его слова сотнику. Сотник застегнул шубу, повернулся к своему спутнику:

— Ну, пан Кулжинский, поспешим до коней.

Гремя саблями, оба вышли из избы. Рейтары уже садились на коней. Домна выбежала на крыльцо проститься с мужем. Сусанин обнял ее и поцеловал.

— Прощай, Домна! — шепнул он. — Смотри по хозяйству. Расти Алешку да Машку. Конец мой пришел... Может, не свидимся... Болотами поведу...

— Ой, что ты, Иванушка!.. Не пушу! — застонала баба.

Слезы градом бежали по ее лицу.

— Ну, еще что выдумала!.. — грустно сказал Сусанин. — Ступай в избу!.. — и, оттолкнув жену, отошел от крыльца.

Отряд тронулся к лесу.

Сусанин, опираясь на клюку, шел впереди, указывая дорогу. Небо нависло холодное, густо усеянное звездами. Было далеко за полночь.

Кони храпели, покрываясь инеем. Поляки ехали молча, кутаясь от холода в шубы. Сверху запорошил снежок. Опять началась метель. Лесник шел уверенно, не останавливаясь. Отряд углубился в середину леса. Мрак все сгущался. Метель заметала тропу. Она скоро исчезла под ровным слоем выпавшего снега. Переводчик-рейтар подъехал к Сусанину.

— Эй, холоп! — крикнул он. — Ясновельможный пан сотник спрашивает: скоро ли придем?

— Теперь недалече, — отвечал Сусанин: — свернуть надо влево, тут и будет.

Поляки повернули влево. Лес стал редеть. На пути

показались кочки, занесенные снегом. Отряд приближался к громадной лесной прогалине.

Вдруг конь под одним из всадников, неосторожно свернувшим в сторону, стал проваливаться. Рейтар, ругаясь, спрыгнул с седла и тогда лишь понял, что попал в трясины. Но было уже поздно. Его стало засасывать. Он завопил о помощи.

Два всадника попытались ему помочь и тоже увязли. Отряд остановился.

Конники, бранясь, соскочили с седел. Общими усилиями с трудом вытащили тонущих, но коней спасти не удалось. Отчаянно барахтаясь, лошади с жалобным ржанием погружались все глубже в болото.

Переводчик подбежал к Сусанину.

— Пся крев! — закричал он, схватив вожатого за бороду. — Где дорога?..

— Сбился малость, — прошептал лесник, глядя в искаженное яростью лицо иноземца.

Подъехал сотник.

— Ясновельможный пан, — сказал рейтар, выпустив бороду проводника, — он сбился с дороги.

— Скажи собаке, пусть ведет обратно. Как выйдем, мы его повесим! — приказал сотник.

Рейтар, ругаясь, перевел распоряжение.

— Да где же, кормилец, дорога-то? Я теперь не знаю, — отвечал Сусанин.

— Сыщи, пес! — зарычал рейтар.

Конники слезли и, ведя лошадей под уздцы, повернули обратно. Но едва они прошли несколько десятков шагов, как шестеро рейтар провалились в болото.

— Тонем!.. Спаси, мать божия! — вопили поляки, погружаясь в жидкую тину.

Сотник и пан Кулжинский выхватили сабли и бросились к леснику. Переводчик-рейтар схватил Сусанина за шиворот.

— Куда ты завел нас?! — заорал сотник, сбив с мужика шапку.

— Рубите, вороги, — тяжело дыша, ответил Сусанин. — Не предам Русь! Все погибнете!

— Ясновельможный пан, — зашипел рейтар-переводчик, — он завел нас сюда на погибель.

— Ах, собака! — выругался сотник. — Рубите его! — и взмахнул саблей.

— Куда ты завел нас?! — заорал сотник.

Сверкающее лезвие мелькнуло в воздухе и рассекло Сусанину голову. Он упал.

Разъяренные рейтары рубили мертвого до тех пор, пока не искрошили в куски.

Вдоволь натешившись над трупом, поляки принялись искать обратную дорогу.

Но вьюга замела тропу, по которой они пришли. Передовые всадники, пытаясь свернуть то вправо, то влево, попадали в трясину и, отчаянно вопя, тонули на глазах у своих товарищей.

Начинало светать. Тусклое зимнее солнце медленно поднималось над вершинами.

Один из рейтар влез на осыпанную снегом высокую сосну, надеясь сверху увидеть какую-нибудь дорогу. Тщетно он озирает горизонт. Кругом тянулся густой лес. Рейтар слез с сосны, полный отчаяния.

Пан Кулжинский, бросив коня, попробовал выбраться на твердый грунт, прыгая от дерева к дереву, с кочки на кочку. Так он прошел шагов триста и совсем уж было скрылся из виду, как вдруг до отряда долетел отчаянный крик. Несчастный поляк оступился и упал в болото. Его засосало.

Объятые страхом рейтары столпились на прогалине, и никто уже не решался отойти в сторону, боясь утонуть.

Наступило утро. В лесу стало совсем светло.

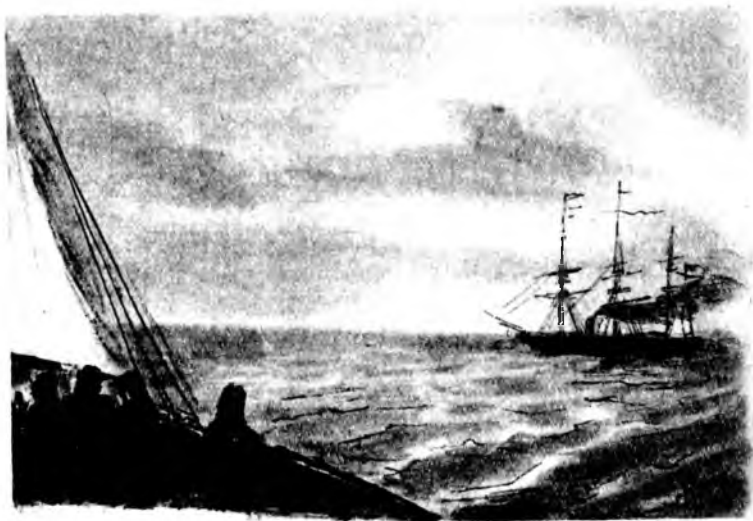
Чтоб не погибнуть от холода, поляки развели костер.

День прошел в страшном ожидании. Люди жадно ловили каждый маленький шорох, надеясь, что какая-нибудь живая душа заглянет в эту чашу и укажет путь к спасению. Но тщетно — лес безмолвствовал.

Сумерки снова окутали лес. В небесной синеве замерцали звезды. За ночью наступило второе холодное и туманное утро, но и оно не принесло полякам спасения.

Шестнадцать дней длилась борьба со смертью.

На семнадцатое утро проходившие по лесу крестьяне встретили человека в изодранной польской одежде. На все вопросы он отвечал то плачем, то безумным смехом. Это был пан сотник — единственный воин, уцелевший из всего польского отряда.

ЧЕСТЬ РОДИНЫ

Лес мачт вздымался над Архангельской гаванью. Китобойные шхуны, транспортные шнявы, беляны, баржи, расшивы и лодки толпились у берега. Поскрипывали причалы. От воды тянуло летней сыростью, смолой, запахом свежей рыбы. Ребятишки у мола швыряли в набегающие волны мелкие камешки.

Грузный бородач в купеческой однорядке остановился у сходней и громко кричал:

— Эй! Матвей! Матвей!..

На шняве никто не отзывался. Бородач, плюнув, стал подниматься по сходням. Едва он переступил борт, как из кормовой каюты выглянул юнга.

— Что вы, оглохли, что ли? — спросил посетитель. — Позови-ка мне Матвея Иваныча!

Юнга исчез. Через мгновение из каюты высунулась голова шкипера с трубкой в зубах, затем туловище и ноги. Подойдя к гостю, он протянул ему широкую ладонь:

— Здравствуй, хозяин!

— Здравствуй, Матвей Иваныч! Я поговорить зашел.

— Ну что ж, — усмехнулся шкипер, — пойдем в каюту. Там попрохладнее... — и, повернувшись, зашагал к корме.

Хозяин пошел за ним.

В каюте восемь матросов хлебали уху.

— Что вы тут торчите? — проворчал шкипер. — На палубе места, что ль, нет? Ишь насорили!

Матросы, забрав миску, вышли.

Купец сел, отирая платком пот.

Шкипер смахнул со стола хлебные крошки, уселся напротив, пыхнул табачным дымом.

— Слушаю, Пал Палыч.

Бородач вздохнул:

— Ну и палит солнышко-то! Уф! Умаялся. Когда отчаливаете?

Шкипер повел плечами:

— Да хоть сейчас, Пал Палыч. Все дело за накладными.

— Вот я их и принес, — сказал купец, вытащив из кармана бумагу и надевая очки. — Вот видишь, — он щелкнул пальцем по документу, — здесь сказано:

«Его благородию господину Иогансону от купца второй гильдии Павла Попова.

Почтеннейший сударь!

По уговору на доставку ржи, оную в числе тысячи пятисот мешков на шняве «Евпл второй» в сохранности и в срок доставляем, о чем надлежит вам, сударь, здесь расписаться. Третье июля 1810 года. С почтением. Павел Попов».

Вот, Матвей Иваныч... Сдашь товар норвежцу, а расписку мне доставишь. Да держи эту бумагу посокращеннее. И еще кое-что я тебе хотел сказать: время теперь беспокойное. Англичане, слышь, за нашим братом охотятся... У Фрола Свечина три шнявы забрали. Так что... посматривай. Хоть и мое добро, но и ты в ответе есть. Ну, кажись, все.

Купец встал, отер еще раз платком потный лоб.

— Теперь вам мешкать нечего. В дорогу пора...

— Скоро тронемся, Пал Палыч, — ответил шкипер.

— Ну, ладно. Прощай. Счастливого пути-дорожки!

Оба выбрались на палубу.

Проводив купца до сходен, шкипер вернулся.

Матросы, пообедав, уже курили на корме.

— Матвей Иваныч! Зачем хозяин заходил?

— Известно... Рожь везти надо, — буркнул шкипер. — Воды запасли?

— Шестьдесят бочек, Матвей Иваныч.

— То-то! Путь дальний. В Норвегию идем... Чего прохладжаетесь?! Выбирайте-ка якорь... Мишка, Федор, начинайте ставить паруса!

Через час шнява «Евпл второй» покидала Архангельскую гавань.

Берег отходил, заволакиваясь туманной дымкой, и скоро исчез из глаз.

Впереди лежало пустынное Белое море.

«Евпл второй» подходил к мысу Нордкап. Шел сороковой день плавания.

Боцман Иван Васильев и юнга Суслов стояли на вахте.

Было около двух часов пополудни. Кругом расстилалась бескрайная ширь.

Тяжелые волны Ледовитого океана гулко катились навстречу.

Вдруг юнга закричал с грот-мачты:

— Иван Трифоныч! Паруса!..

Боцман, поспешно сунув в карман подзорную трубу, полез на мачту. На краю горизонта, где небо сливалось с водой, показались белые крылья.

Судя по оснастке, это был военный фрегат.

— Мишка!.. — заволновался боцман. — Зови Матвея Иваныча!

Юнга спустился с мачты и побежал к каюте.

Шкипер и все матросы вылезли на палубу.

Фрегат шел наперерез шняве. Вот от него оторвалось белое облако. Грохнул сигнальный выстрел.

— Пропали, — пробормотал шкипер. — Спускать паруса велят. Наверно, англичане. Ну что ж, ребята, придется...

Матросы полезли спускать паруса. Шнява замедлила ход. Фрегат подошел ближе. От борта его отделилась шлюпка и поплыла. Купеческое судно легло в дрейф.

Шлюпка подошла к шняве. Стоявший в ней офицер что-то крикнул на своем языке. Русские не поняли.

— Шут его знает! — пробурчал шкипер. — Чего он хочет? Спустите, ребята, трап.

Матросы спустили сходни. Шлюпка пристала вплотную к борту.

Пять матросов и офицер взобрались на палубу.

Перешагнув борт, они направили ружья на безоружных архангельцев. Русские подняли руки вверх.

Один из англичан, отложив в сторону винчестер, принялся их обыскивать, тщательно выворачивая карманы.

Найдя у шкипера бумажник с деньгами и бумагами, он раскрыл его и быстро передал офицеру. Шкипер заволновался:

— Постой!.. Куда? Деньги казенные. Я за них в ответе.

Но офицер молча направил на него пистолет. Пришлось покориться. Обыскав всех, англичане погнали русских матросов в трюм и заперли, а шкипера, подталкивая прикладами, спустили по трапу в свою шлюпку.

Его повезли на фрегат. Под караулом отвели в командирскую каюту. Капитан что-то писал. Офицер положил на стол бумажник, вытащил документы, разложил их и, козырнув, отошел в сторону.

Капитан посмотрел на бумаги, потом на пленника, словно изучая его.

— Ваше благородие, за что обижают? — заговорил шкипер, тыкая пальцем в лежащий на столе паспорт. — Фамилия моя Герасимов. Зовут меня Матвей Иванович. А судно торговое, купца Попова. В Норвегию к его благородию господину Иогансону рожь и пеньку везем... Отпустите, сделайте милость.

Англичанин равнодушно выслушал объяснения. Он спросил что-то по-английски. Шкипер его не понял, попробовал было по-норвежски снова объяснить, что судно торговое, но ему не дали, — два матроса взяли Матвея Ивановича и повели в карцер.

Там он просидел до вечера. Когда стало темнеть, часовой отвел его на палубу. У фрегата уже ждала шлюпка. Шкипера под караулом привезли обратно на шняву.

Взойдя на шняву, он увидел, что его судном владеют англичане. Караульные втокнули его в трюм и закрыли люк. Падая, он задел что-то мягкое. Кто-то помог ему встать.

— Кто здесь? — спросил шкипер.

— Матвей Иваныч! — раздались обрадованные возгласы.

— Сколько вас здесь?

— Трое, — ответил юнга.

— А остальные где?

— Не знаем, — пробасил штурман, — должно быть, их увезли куда-то... Ну, Матвей Иваныч, рассказывай...

— Да что рассказывать! — вздохнул шкипер. — В плен попали... Грабеж среди бела дня... И что теперь делать, ума не приложу.

Моряки грустно вздохнули. Разговор смолк. Вскоре пленники уснули.

Утром крышка трюма открылась. Караульный просунул пленникам хлеб, кружку с водой и ушел. За стеной судна шелестела вода. По этому шуму можно было догадаться, что английский фрегат ведет шняву на буксире. Пленники окончательно приуныли. Особенно в отчаяние впал штурман. Дома у него осталась семья.

— Не видать мне ребятишек, — вздыхал штурман. — Вот так же деда моего англичане увезли. Посадили сердешного на островочек. На островочке ни одной живой души. Двадцать лет он так промаялся, говорить даже разучился, а потом кой-как домой прибыл да и помер. Знать, и нам будет такая погибель.

Шкипер утешал его, как мог.

— Не роняй достоинства, Федор Петрович, — говорил он. — Как-нибудь выберемся.

Но он и сам плохо в это верил. Надежды выбраться из плена не было никакой. Время текло томительно медленно.

Пленники развлекали друг друга воспоминаниями о прошлом. Матвей Герасимов был опытный моряк. Когда-то он имел свои транспортные суда. Ходил по Белому морю. Но ему не везло. Беда словно по пятам ходила. Шнявы его терпели крушение одна за другой. Обеднев, он пошел в шкиперы на чужие торговые парусники. Плавал долго. Накопил опыт. Ему было о чем порассказать.

Так прошло четыре дня. За это время шняву порядком пораздергало качкой. Пазы разошлись. В трюм набежало до четырех футов воды. Мешки с рожью намокли. Ветер посвежел, и тянуть осевшее судно было тяжело.

Утром на пятый день плена, когда открылась крышка трюма, русские увидели, что фрегат ушел и шнява плывет сама по себе. На палубе девять английских матросов и офицер.

Заметив такую перемену, Герасимов стал уговаривать своих товарищей вновь овладеть судном.

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Чего страшиться, ребята? — урезонивал он. — Все равно не в бою, так в плену погибать. А ведь коли удача будет, глядишь опять домой воротимся.

Архангельцы слушали его с тревогой. Штурман не соглашался.

— Не пойду я на такое дело, Матвей Иванович. У меня дома жена, дети остались. При таком случае убьют или расстреляют, а если в плен попаду, так все-таки надежда будет, авось домой отпустят.

— Едва ли отпустят, — досадовал шкипер, но уломать не мог.

Штурман стоял на своем. Четыре дня препирались они. Наконец, не вытерпев, Герасимов сказал:

— Ну, ладно. Без тебя управимся. Ты только сиди да помалкивай...

Юнга лежал в бреду. Боцман и шкипер решили попытаться вдвоем овладеть шнявой, на которой десять вооруженных англичан сторожили пленников.

Предприятие казалось опасным и несбыточным, но тут помог случай.

На десятый день плена один из английских матросов забыл запереть люк в трюм. Пленники решили этим воспользоваться.

В пять часов вечера боцман и шкипер осторожно выбрались на палубу. Офицер и восемь английских матросов отдыхали в каюте. Только один часовой стоял на вахте. Шкипер, прячась за канатами, неслышно подкрался к нему и стремительным толчком выбросил за борт. Падая, вахтенный закричал, но было уже поздно. Боцман, заперев чугуном засовом дверь в каюту, заколотил ее гвоздями.

Запертые в каюте англичане проснулись, начали бить изнутри в дверь табуретками, но засов и гвозди были вбиты на совесть. Стрелять им было нечем — все ружья остались на палубе.

Опасаясь, как бы враги не вырвались, шкипер и боцман по очереди караулили выход из каюты.

К вечеру англичане после безуспешных попыток вышибить дверь или разломать стену стали знаками показывать, что хотят есть.

Шкипер осторожно через крошечное окошко подал им еду.

Однако англичане не теряли надежды снова овладеть судном. Из старого долота они смастерили патрон и попытались выстрелить в Матвея Герасимова, но промахнулись. Тогда шкипер, угрожая ружьем, принудил их отдать долото.

На пятый день плавания на горизонте показалась узкая черная полоска земли. Это был датский берег. К полудню шнява уже входила в порт города Вардгуза.

Оставив боцмана караулить пленников, шкипер съехал на берег и отправился к коменданту.

Комендант Вардгуза, седенький старичок, долго смеялся, когда Герасимов рассказал ему, каким образом англичане из захватчиков-победителей превратились в пленников. Шкипер попросил дать охрану, чтоб перевезти их на берег.

Комендант дал ему конвой из десяти солдат и одного унтер-офицера. Герасимов поехал с ними к шняве. Теперь численное превосходство было обеспечено. Матвей Иванович с помощью боцмана выбил гвозди и снял засов.

Из каюты первым вышел офицер и подал шкиперу свою шпагу, сказав по-английски, что он сдается. Затем поодиночке выпустили матросов и, посадив всех в шлюпку, отвезли в Вардгуз.

Старичок-комендант выдал шкиперу свидетельство в приеме пленников.

Рожь в трюме промокла и попортилась. Везти ее в Норвегию к господину Йогансону не имело смысла. Поэтому в тот же вечер «Евпл второй», набрав пресной воды, отплыл к русским берегам.

К концу сентября шнява пришла в первый русский портовый город Колу, неподалеку от Архангельска.

Матвей Иванович явился к городничему с просьбой отгрузить рожь. Городничий, узнав, что купеческая шхуна была в плену, и опасаясь, «как бы чего не вышло», прежде чем дать разрешение, потребовал письменных показаний о пребывании русских моряков в плену у англичан.

Показания были составлены. Их подписали герой происшествия шкипер Матвей Герасимов, боцман Иван Васильев и хотя не принимавшие участия в освобождении из плена, но бывшие на судне штурман Федор Пахомов и большой юнга Миша Суслов.

Этот документ вместе с рапортом о том, что от шкипера Матвея Герасимова им отобраны взятые у английского офицера шпага и судовой флаг, «кои к донесению прилагаются», городничий отправил в Петербург.

К этому времени меж Россией и Англией был уже заключен мир. Рапорт городничего грозил Герасимову и его спутникам арестом, если бы весть об отважном шкипере заранее не дошла до столицы.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости», торжественно описав подвиг Матвея Герасимова, в конце статьи восклицала:

«Вот истинно русский человек!.. Сей шкипер не посрамил честь родины. Он хотя и попал в плен, но сумел из него выбраться и врагов пленить... Сколь ни коварен англичанин, а с русским ему не совладать».

Император Александр Первый, будучи в благодушном настроении, согласился с этим патриотическим мнением и на рапорте кольского городничего, смилостивившись, по-французски — так как он любил этот язык более русского — начертать соизволил: «В архив».

Английский флаг и шпага были опять возвращены Герасимову для хранения у себя и потомков своих на память о подвиге.

Что же касается самого Матвея Ивановича, то жил он долго и умер в 1852 году «от бедности», как сказано на его могильном памятнике, воздвигнутом «усердием членов Архангельского любвеобильного общества».

СТАРОСТИХА ВАСИЛИСА

Первую весть о неприятеле принесли мальчишки, игравшие за околицей. Их крик: «Наши едут, французов везут!» переполошил село. Бабы забегали из избы в избы, предупреждая соседок. В один миг вся Сычевка высыпала на улицу.

Меж тем шествие подходило к селу.

Впереди ехал на гнедой лошади бурмистр. За плечами его торчали две трофейных пики.

Позади бурмистра плелась пешая толпа оборванных людей.

На головах у них были какие-то невиданные шапки. Одеты они были по-разному: кто в ризу, кто в попону, кто в бабью кацавейку, как ряженные на господских святках.

Четыре мужика с ружьями за плечами ехали по бокам удивительного шествия.

У подъезда господского дома бурмистр слез с лошади.

Бабы тотчас окружили его:

— Здравствуйте, Ермил Иванович! Арестантов, что ль, привели?

Бурмистр, важно посмотрев на них, обронил:

— Расступись!..

Толпа любопытных покорно раздалась в разные стороны. Он поднялся на крыльцо и скрылся в господском доме.

Бабы не унимались. Они попробовали расспросить конвойных.

Но мужики, охранявшие пленных, важно молчали.

Сычевцы и французы разглядывали друг друга с нескрываемым интересом.

Какая-то старушка, протискавшись вперед, дернула седоусого кирасира за рукав и, заглядывая ему в лицо, спросила:

— Что, кормилец, капут мороз?

Видимо, она сочувствовала, что французам от холода приходилось плохо.

Толпа густо обступила пленных.

Конвоиры осаживали зевак:

— Но, не напирай. Чего не видели?!

Но их усилия были тщетны.

Симпатии к несчастным замерзшим французам все более и более росли. Бабы жалели их, как мать жалеет своего беспутного сына.

— И зачем сердешных гнало в нашу сторонушку? Неужто у них своей земли нет? — спрашивали они, сочувственно поглядывая на ежившихся от холода «во-рогов».

Конвоиры молчали, не зная, что ответить на такой вопрос, а французы, не понимая языка, улыбались, как дети, и кивали головами.

Гришка, сын сотского, попытался швырнуть камень в пленного. Его резко одернули. Он попробовал было огрызнуться. Бородатый конвоир хлестнул Гришку кнутом по спине. Это возымело свое авторитетное действие. Гришка вдруг стащил со своей головы грязную шапку, сунул ее в руку мужику и быстро убежал. Конвоир бросил шапку французу. Пленный тотчас напялил ее на непокрытую голову и, дружески кивнув, похлопал бородача по плечу.

Бабы, видя это, завздохали, утирая платками добросердечные очи.

На крыльцо вышли бурмистр и господский ключарь.

Ключарь отпер огромный замок, висевший на дверях погреба. Пленных стали впускать туда по счету. Когда впустили последнего, ключарь запер погреб на замок, спрятал ключ в карман и снова ушел вместе с бурмистром в господский дом.

Так окончилось взволновавшее сычевцев зрелище.

Толпа быстро рассеялась. Конвойные тоже разошлись по домам. Снова стало тихо.

Часа через два к бурмистру тайно, без огласки позвали жену старосты Василису.

Бурмистр сидел, развалиясь на диване, посасывая господский чубук. Старостиха вошла, низко ему поклонившись, остановилась у порога.

— Садись, — буркнул бурмистр, — потолкуем.

Баба робко присела на кончик стула. Бурмистр курил трубку, искоса разглядывая высокую, статную старостиху.

— Вот что, Василиса, — сказал он, — ты баба сметливая. Велено нам супостатов¹, кои в наш плен попадут, отвозить в город и сдавать в казну. А возить их у нас некому, потому как все мужики в партизанах — ловят они ворогов не покладая рук. Посему порешили мы отдать это дело бабам... Дело нехитрое. Собери-ка сход да выбери тех, кто побойчее. Как можем, постоим за нашу землицу-матушку.

— А где мой Тихон? — спросила Василиса.

— Тихон? — усмехнулся бурмистр. — Твой муж не кошель с деньгами — не пропадет. Тихон тебе кланяется — жив... Так как, соберешь сход?

— Соберу, — ответила старостиха, думая об ушедшем с партизанами муже. — Только сгодимся ли?

— Ничего, сгодитесь, — буркнул бурмистр. — Ну, ступай!

И снова задымил трубкой.

Василиса ушла собирать мирской сход.

Сотские побежали по избам. Вскоре в старостин овин набралось столько людей, что стоять стало тесно. Но мужиков было мало. Большинство ушло воевать

---

¹ Супостат — старинное русское слово: противник, враг.

с французами. Вся крестьянская Россия в ту пору поднялась против иноземных захватчиков.

Народ топтался, люди спрашивали друг друга, зачем зовут, но никто толком ничего ответить не мог.

Наконец пришел бурмистр. Протискавшись сквозь толпу, он снял шапку, поклонился миру, потом, кашлянув в ладонь, начал:

— Люди добрые! Злые вороги бегут в нашу сторону. Казаки их шибко в плен берут. И нам велено обороняться, хватать супостатов, сколь возможно. Поднимайтесь стар и млад, кто с чем может. Наша взяла...

Тут поднялся шум. Бабы, услышав, что «супостаты бегут в нашу сторону», заголосили на разные лады. Старики тоже загалдели, так что бурмистр, чтобы унять их, стал грозить возвращением бежавшего от французов в столицу барина.

Сычевский помещик был крутого нрава: его боялись больше, чем Наполеона.

Когда все стихло, бурмистр объявил твердо, что, мол, если бабы помогут, то он Бонапарта одолеет и Сычевка будет спасена.

— Только одна беда — некому пленных сдавать по начальству. Вся надежда на вас, — закончил он свою патриотическую речь.

Бабы молчали. Только одна не в меру сердобольная старушка, задумчиво пожевав губами, прошамкала:

— Как же это мы их, Ермил Иваныч, отводить будем? Хоть они супостаты, а все-таки люди. Жаль их.

Дело было новое, непонятное. Бабы явно сомневались в своих воинственных способностях. Бурмистр не знал, как бы их урезонить. Но тут его выручила старостиха. Она вышла на середину овина и сказала:

— Бабы!.. Сердце у нас жалостливое... Это правда. Только скажу вам: войне конца не будет, ежели мы всех врагов не переловим и в казну не сдадим. Мужики наши с ними маются и из себя выходят. Поможем, как умеем.

Тут все зашумели. Как говорится, своя рубаха к телу ближе. Сердце баб болело и страдало за своих больше, чем за французов. У каждой из них брат или муж, оставив хозяйство, ушел в партизаны. Ну как им не помочь! Жалость жалостью, а землю оборонять все-таки надо. И они дружно согласились с Василисой.

Старики тоже поддержали. Дело было общее, мирское. К тому же сычевские женщины — народ задористый.

Охотниц помогать партизанам супротив французов набралось хоть отбавляй.

В ту памятную ночь в селе долго не гасли огни.

Все население готовилось к походу.

Из сараев вытащили вилы, рогатины, отбивали ко-сы, оттачивали топоры.

Часов в пять утра в овин собрались первые доброволки.

Старостиха и бурмистр по списку проверяли приходящих. Защитницы отечества, взволнованные выпавшей на их долю счастливой обязанностью, повиновались молча.

Еще не занялась заря, а вся Сычевка была уже на ногах.

Старостихина гвардия, вооруженная косами и дрекольем, окружила погреб. Ключарь отпер замок. Пленных вывели наружу. Бабы окружили их, и весь отряд двинулся за околицу. Впереди на коне ехала с острой косой в руке Василиса. Оставшиеся старики, старухи и дети проводили отряд за околицу и стояли долго, пока последние ряды уходивших не скрылись за горизонтом.

Сначала дорога шла через пустынное, занесенное снегом поле.

Французы о чем-то переговаривались, но шли.

Пленный капитан, шагавший в середине отряда, особенно ораторствовал.

— Где видано, — ворчал он, — чтоб нас, завоевавших полмира, гнали, как стадо овец? Стыд! Позор!.. Солдаты! Все равно вы подохнете в плену, не увидев Франции. Стыдитесь, вояки! Кто патриот, тот должен бежать.

Эта воркотня жгла солдатские сердца. Французы стали посматривать по сторонам.

Дорога вела через лес. Подходя к опушке, колонна сильно растянулась. Старостиха кричала пленным, чтоб плотнее сомкнули ряды, но они заупрямились.

Василиса грозно размахивала острой косой, но угрозы не действовали.

Один из солдат, ругаясь по-своему, вдруг бросился вперед, пытаясь стащить ее с лошади. Это послужило

сигналом. Человек сорок французов кинулись на бабий конвой.

— Ратуйте! — закричала Василиса. — Бей их! — и ударила стаскивавшего ее с лошади пленного косой.

Солдат с рассеченной головой рухнул под копыта.

Свистящий крестьянский цеп размозжил череп главарю-капитану. В отчаянной драке были заколоты еще десять заговорщиков. Остальных пленников бабы и подростки, размахивая топорами и вилами, согнали в кучу, не давая им возможности выскочить из кольца.

Мятеж был подавлен. Отряд двинулся снова в путь.

Конвоирши, возмущенные непокорством, следили теперь за каждым движением пленников и благополучно привели их в соседний с Сычевкой город.

Старичок-комендант, увидав странный конвой, только головой покачал от удивления.

Он принял от Василисы пленных и выдал ей расписку.

Сычевский конвой двинулся обратно.

Один из отрядов наполеоновской армии отступал из сгоревшей Москвы по дороге к Смоленску.

Итти было трудно. Летящая навстречу снежная пыль слепила и колола лицо. Колени подгибались под тяжестью ослабевшего от голода тела. Ноги в тяжелых сапогах опухли и ныли. Сержант Нарбонн медленно вытаскивал их из снега и, осторожно переставляя, шел дальше, боясь упасть и замерзнуть.

Вдруг впереди, у края дороги, что-то зачернело. Нарбонн подошел ближе и увидел мертвую лошадь. Она лежала, уткнувшись головой в сугроб. На крупе ее, обхватив руками ружье, сидел гренадер.

— Эй, камрад! — крикнул сержант.

Гренадер не ответил. Склонив голову на руки, он как бы дремал.

— Проснись, — сказал Нарбонн, тронув гренадера рукой.

От этого прикосновения ружье, служившее шаткой опорой, вывалилось из рук спящего.

Гренадер покачнулся и упал. Сержант наклонился, чтобы поднять его, но, увидев торчавший во рту упавшего кусок льда, отпрянул в ужасе. Гренадер был мертв.

Нарбонн выпрямился, взглянул назад. Далеко позади, кутаясь в лохмотья, плелась длинная вереница солдат...

Измученные французы шли, напрягая последние силы. Справа и слева от дороги лежали бескрайные снежные поля.

На каждом шагу попадались лежащие в снегу солдаты. Обессиленные от усталости, бессонницы и голода, они спали вечным сном. А их император мчался на почтовых тройках обратно во Францию.

Равнодушно глядя на умирающих, он говорил окружающим его маршалам:

— Солдат — это пушечное мясо. Войну возбудила Англия. Так пусть же пролитая кровь падет на эту нацию!

Дорога казалась бесконечной. Ни кустика, ни жилища. Сержант Нарбонн шел впереди, ободряя отстающих. Выбившиеся из сил люди не хотели идти дальше. Они падали в снег и не желали вставать. Их уговаривали, поднимали, но упрямцы вырывались и падали снова. Нарбонн приказал бить их прикладами. Но и это плохо помогало.

Даже старый друг его детства, весельчак Себастьян де-Брейль, с которым они восемнадцать лет назад, сидя за одной партой, играли в ножички, вдруг остановился и сказал:

— Я идти не могу.

И опустился на колени.

Его попробовали поднять, но он выхватил пистолет, крикнул:

— Отойдите! Дайте мне умереть!

В страхе все отшатнулись, думая, что он сошел с ума.

Нарбонн, вытащив из ножен палаш, подошел к другу.

— Себастьян, — сказал он мягко, — вспомни: тебя дома ждут жена и дети. Что ты делаешь?

— Уйди, Франсуа, — хрипел де-Брейль, размахивая пистолетом, — я все равно не пойду!

Слезы текли по его грязному, заросшему струпами лицу.

— Нет, ты пойдешь! — ответил сержант и выбил палашом пистолет из его рук.

От резкого удара Себастьян упал на бок. Потом, приподнявшись на локте, протянул руку.

— Франсуа, — прошептал он, — умоляю! Ради твоей матушки!.. Пристрели меня, Франсуа!

Столпившиеся вокруг солдаты молча наблюдали эту сценку.

Нарбонн снял с единственной в отряде лошади вьюк с полковой канцелярией и сбросил его в снег. Потом с помощью трех товарищей поднял друга, крепко привязал ремнем к седлу, взял повод и повел коня под уздцы.

Снег блестел, переливаясь разноцветными огнями. Мороз стоял такой, что можно было замерзнуть, переходя дорогу. Нарбонн шел впереди, кутаясь от холода в меховой салоп, изредка оглядываясь на солдат, шагавших вразброд.

Вдали показался небольшой лесок. Колонну обгоняла почтовая фура. Когда она поровнялась, сержант крикнул:

— Где маршал Сэн-Сир?

Курьер показал рукой вперед.

— А где русская армия? — спросил Нарбонн.

— Она нагоняет вас, — ответил курьер и промчался не останавливаясь.

Подходя к лесу, колонна понемногу собралась и подтянулась. Для озябших, измученных людей чаша таила возможность обогреться, сварить пищу. Справа от опушки виднелся крутой бугор. Он был пустынен, но когда первые ряды французов шли мимо, на бугре показался всадник в мохнатой шапке, с пикой, торчавшей над головой коня. За ним другой, третий...

Тревожный крик пошел по колонне:

— Казаки! Казаки!

Слово «казак» было страшнее смерти.

Эти лихие сыны степей наводили ужас на всю французскую армию.

Охваченная страхом колонна сбилась в кучу на узкой дороге.

Солдаты, обгоняя друг друга, бросились бежать к лесу.

Обнаруживший французов небольшой, человек в двадцать, казачий дозор, заметив это смятение, решил атаковать вдесятеро сильнеешего неприятеля.

Казачья лавка, построившись лавой, стрелами без единого выстрела полетели на врага.

Но сержант уже понял, что опасность невелика. Выхватив палаш, он закричал беглецам:

— Назад!.. Стройся!.. Да здравствует Франция!..

Этот крик подействовал.

Сбившиеся в кучу французы быстро перестроились в квадрат, оцетинившийся штыками. Бежавшие к лесу солдаты, видя мчавшихся наперерез всадников, поняли, что им не уйти, и залегли в снег, вскинув на прицел ружья.

Казачья лавка не успела доскакать и до половины пути, как выстрелами были выбиты из седел шесть всадников.

Не дожидаясь второго залпа, лавка рассыпалась в разные стороны. Казачья лавка, поняв опрометчивость своей атаки, вихрем умчалась на бугор и исчезла, даже не подобрав убитых.

Французы, сохраняя боевой строй, осторожно двинулись к лесу.

Подойдя на расстояние ружейного выстрела, они остановились, опасаясь засады. Несколько еще способных двигаться смельчаков поползли к опушке. Но лес был пуст. Вершины елей дремали в тишине, опущенные снегом.

Окоченевшие люди бросились торопливо срезать ветви; вспыхнул первый огонь. Горнист Журден оказался полезнее всех. И неправы были те, которые смеялись над ним за то, что он всюду бережно таскал за собой большую кастрюлю. Обладателя этой скромной, но драгоценной утвари приглашали наперебой все, у кого не в чем было сварить пищу. Хозяина такого сокровища сажали на лучшее место у огня, давали ему добрую часть еды и возвращали кастрюлю хорошо вычищенной. Горнист вскидывал ее на плечо и продолжал путь без забот об ужине и ночлеге, которые ему всегда таким образом были обеспечены. Так было и в этот раз.

Кастрюля ходила по рукам от костра к костру, а ее хозяин, наевшись доотвала, только глядел, чтобы она не исчезла.

Себастьян де-Брейль, отогревшись и поев, вновь ощутил жажду жизни. Освещенный ползавшими по

сухим ветвям языками пламени, он что-то мурлыкал про себя и улыбался.

Сержант Нарбонн весело шлепал друга ладонью по животу, приговаривая:

— Мы еще поживем, дружище!

С наступлением сумерек отряд вышел из леса и двинулся дальше по дороге к Сычевке.

Ключарю снился неприятный сон. Он явственно видел, что сбежавший в столицу барин вернулся и кричит, стуча чубуком по столу:

— Кто курил мою трубку? Я тебя запорю, собачий сын!

Перепуганный старик проснулся. Кто-то упорно стучал в ставню.

Он приоткрыл шторку и увидел бабью голову, закутанную в платок. Она кивала и шептала:

— Открой, батюшка!

— Что надобно? — спросил ключарь.

Баба настойчиво указывала пальцами на дверь.

Старичок, досадливо махнув рукой, пошел отворять.

— Ну что пришла? Ночь ведь. Спать — и то не дают.

— Прости, батюшка, — беда, вороги пришли.

— Да что ты! Где? — встревоженно спросил старичок.

— За селом, батюшка. Вышла я мальчонку поискать. Куда, думаю, запропастился? Глянула на дорогу — так сердце и замерло.

— Беги, буди всех! — крикнул ключарь. — Антипа сторожа ко мне зови. Ох, беда!..

Баба исчезла. Старичок торопливо напялил сапоги и шубейку, побежал в господский кабинет и, сняв со стены старое ружьишко, выскочил на улицу.

Навстречу ему с вилами в руках уже бежал сторож Антип.

В селе началась суматоха. В окнах замелькали огни. Из избы в избу забегали люди. Народ поспешно сходился к господскому дому. Ключарь суетливо командовал. Сычевцы решили обороняться.

Из господской конюшни выкатили дряхлый тарантас. Загородили им дорогу в село.

К тарантасу подтаскивали и ставили в два ряда дровни и телеги.

Ключарь, единственный умевший стрелять, дрожащими руками заряжал дробовик.

Отряд Нарбонна в сумерках подходил к селу.

Заметив необычную для ночного времени суматоху, французы остановились в нерешительности, переговариваясь и споря.

— Подойдем поближе, посмотрим, — уговаривал горнист Журден своих товарищей, размахивая кастрюлей.

Несколько смельчаков тронулись за ним.

Но едва они сделали несколько шагов, как ключарь, сидевший за изгородью, не выдержал и, не ожидая, пока враг подойдет на необходимую для его дробовика дистанцию, выстрелил. Пушечный залп имел бы меньший эффект, чем этот одинокий выстрел.

— Назад! — крикнул Журден. — Засада!

Французы дрогнули и побежали назад. Отряд сбился в кучу, ожидая нападения, но его не последовало.

Тогда враги, снова осмелев, двинулись к стоявшим за околицей села овинам. Заняв овины, выставив караулы, они расположились на ночлег.

Тихая беззвездная ночь повисла над землей. Бледная луна едва освещала дорогу.

Василиса со своей гвардией подходила с другого конца к Сычевке.

Увидев необычное движение и огни, партизанки бегом пустились к селу.

К Василисе уже спешил сторож Антип.

— Беда, — бормотал он, — вороги овины заняли.

Бабы и подростки обступили его; началась суетня.

— Гришка, — крикнула Василиса, — полезай на мою лошадь! Скачи к бурмистру. Подмоги проси.

Вихрастый подросток, взобравшись на лошадь, поскакал обратно в город. Василиса собрала свою гвардию. Стали совещаться.

— Бабоньки, — сказала она, — оборонимся от супостатов. Не допустим. Может, их в овинах до прихода мужиков запереть можно?

— Боязно, — отвечали партизанки. — Не подпустят они. Поди, сторожей выставили.

— Пойдем взглянем, бабоньки. Может, спят они, ихние сторожа, — уговаривала старостиха.

Человек тридцать партизанок согласились итти на разведку.

Тихо, крадучись, они поползли к овинам. В нависшем над полями белесом тумане они почти сливались со снегом.

У дверей ближайшего овина смутно виднелись две фигуры французских часовых.

— Ратуйте, бабоньки! — шепнула Василиса. — Бейте их так, чтобы ни один не крикнул.

Разведчицы подползли вплотную. Часовые не шевелились.

Измученные длинным переходом, они спали сидя, уткнув головы в меховые воротники.

Двери в овин были полуоткрыты. У входа стояло прислоненное к стене толстенное бревно.

Василиса прикрыла двери и с помощью двух старух приперла их бревном.

Остальные защитницы отечества кинулись на часовых. Один из них хотел привстать, но топор ударил его по голове. Он грузно рухнул на снег. Коса закончила жизнь другого часового.

— Тише, — шептала старостиха. — Того гляди, проснутся, окаянные...

Но в овине стояла тишина. Французы спали, не чуя нагрянувшей на них беды.

Оставив трех девок караулить запертых, Василисина гвардия двинулась ко второму овину. Но тут их постигла неудача.

Горнист Журден, которого от обилия съеденной пищи тошнило, проснулся. Решив выбраться на свежий воздух, он в потемках попал в объятия сычевской партизанки.

Думая, что кто-то хочет отнять его дорожное сокровище, Журден ударил бабу кастрюлей и вырвался. На него набросились еще три дюжих сычевки, но бравый горнист успел уже выхватить пистолет и выстрелить. Этот выстрел разбудил спящих.

С криками: «Казак! Казак!» французы выскочили из овина и бросились врассыпную бежать в ночной тьме по дороге.

Запертые в другом овине супостаты от переполоха

тоже проснулись, но выйти не могли. Они попробовали разобрать крышу, но первый высунувшийся наружу, увидав перед своим носом вилы и горящую головню, в ужас свалился обратно.

Французы отчаянно завопили, что они сдаются, но бабы, по незнанию французского языка, поняли их крик совершенно иначе. Сидевшая на крыше с горячей головней жена кузнеца Агафья в испуге закричала старостихе:

— Матушка Василиса, орут они: уйдем, дескать. Может, запалить крышу? Чего доброго, и в самом деле вырвутся.

Девки, державшие подпиравшее двери бревно, заволновались. Старостиха успокаивала:

— Бабоньки, погодите маленько. Может, пощады спросят.

Боясь, что их сожгут, осажденные высунули в знак капитуляции на шесте белую тряпицу.

Но партизанки решили их не выпускать. Став вокруг овина строгим караулом, они дежурили до утра.

На рассвете прискакал бурмистр и с ним человек двести сычевских мужиков с ружьями и рогатинами.

Узнав, в чем дело, бурмистр приказал отпереть овин.

Французов по очереди выпустили и обезоружили.

А в полдень Василисина гвардия уже вела пленных в город. Там их допросили. Весть о том, как французы отбились от казаков, а бабы их в плен взяли, широко разнеслась по всей Смоленской губернии.

Слава о храброй старостихе пошла гулять по народу.

Появились даже смешные картинки с изображением воинственной Василисы. Она была нарисована сидящей на коне с острой косою в руке. Пленные супостаты умоляюще протягивали к ней руки. Под картинкой была подпись в стихах. Старостиха, обращаясь к французам, говорила:

«Знать, вы в Москве-то несолоно похлебали,
Что хуже прежнего и тощее стали.

А кабы занесло вас в Питер,
Он бы вам все бока повытер».

СОЛДАТСКАЯ СЛАВА

Капитан Козерогов приехал в батареиную роту в большом расстройстве.

— Фельдфебеля Громыку ко мне, — приказал он.

Дежурный козырнул и исчез. Через мгновение фельдфебель, вытянувшись во фронт, уже стоял перед ротным начальством.

Капитан Козерогов любил смущать солдат неожиданными вопросами.

Он подошел к Громыке, заглянул в глаза — младший чин стоял навытяжку, не шевелясь.

Капитан усмехнулся. Щелкнул его ногтем по мундирной пуговице.

— А ну, брат, не знаешь ли, скоро война с турками будет?

— Никак нет, ваше высокоблагородие, — прогудел фельдфебель и просиял.

— Врешь! — буркнул капитан. — От меня не скроешь. Радуетесь, скотина! Ну, ладно... Так вот-с... — капитанские пальцы забарабанили по краю стола, — завтра будет парад. Смотри, чтоб все блестело, не то...

Капитан собрал пальцы в кулак, поднес его к фельдфебельскому носу и спрятал руку в карман.

— Ступай!

Громыка, щелкнув каблуками, выскочил из комнаты.

Через минуты две на полковом дворе бил барабан. Рота выстраивалась на ученье.

— Смирно! — кричал Громыка. — Гусиным шагом...
Марш!

Рота, по-птичьему выкидывая ноги, зашагала по двору.

— Подтянись! — рявкнул фельдфебель. — Стой!..

Рота стала. Началось учение по уставу воинской службы.

— Рядовой Пахомов! Два шага вперед!

Длинноногий нескладный рязанец отделился от рядов.

— Скажи мне, Пахомов, что такое штык? — спросил Громыка.

— Штык, — замылся Пахомов. — Штык и есть.

— Болван есть болван, — фыркнул Громыка. — Я это о тебе давно знаю. А ты вспомни. Что такое штык?

— Вспомнил, ваше благородие.

— Ну, что?

— Пуля — дура, а штык — молодец, ваше благородие!

— Сам ты дура! Будешь за это в казарме навоз чистить. Марш!

Пахомов шагнул назад в строй.

— Бомбардир Рудаченко! — выкрикнул Громыка.

Плечистый воронежец вышел из колонны.

— Что такое штык? — повторил фельдфебель.

Бомбардир весело улыбнулся.

— Штык есть холодное оружие для поражения неприятеля, — заученно отчеканил он.

Фельдфебель нахмурился. Он не любил в своей роте особенно способных.

— Так, — недовольно проронил он. — Ну, а что такое неприятель?

Вопрос был не по уставу, но задан начальством, и надо было отвечать.

У Рудаченко от замешательства даже запотела ладонь, приставленная к козырьку кивера.

— Неприятель — это, ваше благородие, враги, которые...

Дальше нехватило сил и воображения. В голове стоял шум. Громыка ехидно улыбнулся.

— А что такое враг? — допытывался он. — Я могу быть твоим врагом? А?

— Не могу знать, ваше благородие, — тяжело переводя дух, ответил Рудаченко.

Фельдфебель обрадовался.

— Не могу знать... А кто же за тебя знать должен? Вот погоди, турок брюхо пропорет, — узнаешь, кто враг. В караул на пять суток!.. Бессменно! Марш!

Рудаченко приставил ладонь к киверу и вернулся в строй.

Громыка удовлетворенно повернулся к барабанщику, скомандовал:

— Бить отбой!

Учение кончилось. Солдаты вернулись в казармы.

Император Николай Павлович считал, что для армии достаточно муштры, маршировки и служебного устава. На обучение стрельбе им отпускалось по шесть патронов в год.

Срок военной службы длился двадцать пять лет. Поэтому в рядовые попадали большей частью крепостные крестьяне, которыми помещики почему-либо были недовольны. Отслужив, они возвращались домой стариками-инвалидами, непригодными к работе, и кончали свой век в бедности и нищете.

Казармы были тесные, сырые, грязные.

Начальство почти не заботилось о чистоте и о солдатской пище.

Защитники отечества спали на нарах, по которым ползали вши. В казармах всегда пахло прелыми портянками и потом.

И вот пришла весть о войне. Кое-кому из солдат она не казалась страшной. Война освобождала от громыкинских учений, а походное житье в наспех вырытых землянках или под открытым небом было куда вольготней казарменной жизни.

В артиллерийских казармах рядовые после учения шумно обсуждали весть о войне. Уже давно ходили о ней темные слухи. Они доходили разными путями.

— Дежурил я третьего дня около офицерского со-

брания, — рассказывал один рядовой, — и разные интересные разговоры слышал. Говорят, война скоро будет.

— Все мы про то знаем, — хмуро прервал его седоусый артиллерист, перематывавший на ноге ветхую портянку. — А вот, как скоро это будет, вилами на воде писано.

— Скорей, чем ты портянки износишь, — отозвался из другого угла фейерверкер.

— Я вот денщика нашего бригадного генерала спрашивал. Говорит, на-днях пойдем войной на турок. Война вроде как уже объявлена, но пока ее в секрете держат, потому как генералы план составляют. За этим вся задержка и есть.

Бомбардиры обступили фейерверкера. Евсей Нилыч был самый сведущий и опытный во всей роте человек. Раньше других он умел узнавать, где и что на свете делается.

— Евсей Нилыч, расскажи, почему война-то будет? — допытывался рябой солдатик.

— Известно, почему! По приказу, — насмешливо отозвался фейерверкер, попыхивая короткой трубкой-носогрейкой. — А воевать пойдем, говорят, за греков.

— Евсей Нилыч, а кто такие греки будут?

— Греки, — пояснил фейерверкер, — это вроде как мы, крепостные. У турок в зависимости, стало быть. Сильно их обижают. Ну, греки, значит, того, с турками и воюют. А у нашего царя, сказывают еще, и свой интерес есть. Хочет он турецкую столицу Цареград в православную веру оборотить, да боится, как бы англичане и французы ему не помешали.

Евсей Нилыч выражал сведения по-своему, на немудреном языке, доступном солдатскому пониманию.

В 1825 году Греция начала войну с турками за освобождение. Под руководством храбрых своих вождей греки одержали ряд побед.

Эта война привлекла к ним лучших людей всего мира. Знаменитый английский поэт Байрон приехал в Грецию помогать восстанию. Он сражался в рядах греков и погиб. Русское правительство решило послать на помощь грекам свое войско.

Рудаченко, лежа на койке, молча слушал солдатские

пересуды. Но мысли его витали далеко от казарменной жизни.

Он вспомнил свою хату под Воронежем. Черемуху у хаты, седого отца, плачущую мать, свое детство, ребячьи игры. Многие невозвратно вспоминал он.

Вот он скачет с табуном в степи. Узкие языки огня поднимаются с земли. Ребята весело прыгают через огонь. Вот у костра появляется барин. Разгоняет детвору плеткой...

Гневно сдвигаются брови Демьяна Ивановича. Приказчик выходит на крыльцо и объявляет барскую волю: отдать Рудаченко в солдаты. Отец и мать бьются у него в ногах. Но приказчик неумолим... Десять лет прошло с тех пор, а все еще живет в памяти прошлое, как будто это было вчера.

Чья-то тяжелая рука опускается на плечо. Над ухом знакомый голос:

— О чем, Демьян, размышлялся? Скоро на войну пойдем.

Война пришла скорее, чем ее ожидали.

После очередного парада на Марсовом поле был получен приказ о выступлении в поход. А еще через две недели шестой корпус под командой генерала Рота, в котором числился Рудаченко, двинулся в далекую Молдавию.

Шли, не останавливаясь, мимо незнакомых городов.

Впереди армии скакали курьеры. В маленьком городке Скулянах корпус в последний раз остановился на привал.

Мутная река Прут отделяла от Молдавии. Через нее поспешно наводили понтонные мосты.

Перейдя реку, корпус двинулся по гористой местности к городу Яссы — столице Молдавии. Вдали синела покинутая Россия.

Странные одежды жителей, незнакомый говор — все это удивляло и веселило.

Усатые арнауты в расшитых жилетах, с пистолетами за поясами и длинными чубуками в зубах, с важным спокойствием глядели на марширующих солдат.

На биваке всезнающий Евсей Нилыч рассказывал товарищам про молдавского разбойника Бурлу.

— Жил в здешних местах, — говорил старый фейерверкер, — знаменитый один разбойник, по имени Бурла.

Только грабил он не бедных, а тех, кто побогаче. Сорок лет он с господами воевал. А потом как подошла старость, поймали они Бурлу, заковали в кандалы и привели до своего самого большого начальства.

Спрашивает Бурлу наибольший начальник:

«Какой казнью тебя, крестьянский сын, казнить?»

Отвечает ему Бурла:

«Скорой смертью умереть не страшно, а долгой казни лучше, чем я себе сам назначу, не выдумаете. Казните меня казнью по моему желанию».

«Хорошо, — говорит ему наибольший начальник. — Будем тебя казнить той казнью, какую ты пожелаешь».

И сказал ему тогда разбойник Бурла:

«Бейте мне семь дней и семь ночей тупым топором руки и ноги. Если жив буду, все равно что не человек».

Сказано — сделано. Били ему семь дней и ночей руки и ноги. Устали палачи от такой работы и бросили Бурлу в овраг, думая, что теперь он сам умрет.

А Бурла вылез из оврага и пополз из Ясс за несколько сотен верст в город Иерусалим, а из Иерусалима приполз обратно в Константинополь и тут окончательно встал на ноги. Говорят, он и сейчас против турок воюет.

Ахнули бомбардиры от такого рассказа.

— Да, — говорят, — вот это человек!

Из Ясс корпус генерала Рота двинулся через горы в Валахию.

Валахия солдатам очень понравилась. Небольшие мазанки, покрытые камышом и соломой, напоминали родную Украину.

— Живут они бедно, как и мы, — говорили рядовые. — И жаль, сала не едят.

Итти было трудно. Солнце палило нещадно, тяжелая амуниция давила на плечи.

Однажды на дороге бомбардирская рота встретила бродячего шарманщика. На плече его сидела обезьянка, умирающая от жажды.

Солдаты окружили странствующего музыканта. Рудаченко вылил остатки воды из фляжки в кружку и дал обезьянке пить.

Она пила воду с жадностью и потом долго благодарно глядела вслед, пока вереница солдат не скрылась из виду.

Через месяц русская армия перешла реку Дунай, воспетую в песнях, и вступила на турецкий берег.

Шедшие впереди воинские части взяли турецкую крепость Гирсов. Шестому корпусу было приказано идти к другому турецкому укреплению — Силистрии.

Силистрия стоит на горах, на берегу Дуная. Из-за крепостных стен выглядывают верхушки минаретов и мечетей с сверкающими в лучах солнца полумесяцами. Просторная равнина, засеянная пшеницей и кукурузой, опоясывает город. Справа синей лентой вьется знаменитая река. Слева за равниной крепость обступают высокие горные вершины.

При появлении русских войск окружающие город крепостные стены окутались дымом. Чугунные бомбы, шипя, запрыгали по траве. Одна из них ударилась в землю у ног генерала Рота и, крутясь, отпрыгнула в сторону.

Перепуганная лошадь шарахнулась, а генерал, едва усидев в седле, побагровел от гнева. Он повернул коня и, погрозив в сторону турок кулаком, приказал командирам полков отобрать смельчаков, чтобы немедленно захватить вершины окружающих крепость гор. Разведчики-пластуны, рассыпавшись цепью, поползли по скалам и выбили защитников Силистрии, засевших перед крепостью за уступами и камнями. Турки отступили, русские заняли высоты.

Затем им было приказано окопаться и строить батареи. Весь шестой корпус принялся за возведение окопов.

Вскоре Силистрия опоясалась цепью осадных укреплений. Из взятой у турок штурмом крепости Гирсов были вывезены большие осадные мортиры. Шестнадцатой бригаде, в которой находился Демьян Рудаченко, приказали установить эти пушки на вершинах и возвести мортирную батарею.

Устанавливать пушки было трудно.

Турки непрерывно палили по русским укреплениям, мешая осадным работам.

В шестнадцатой бригаде молодые солдаты, непривычные к артиллерийскому огню, то и дело огляды-

вались, когда поблизости разрывались бомбы и гранаты. Жизнь в окопах казалась очень страшной. То шумит картечь, то жалобно поет штуцерная пуля, будто плачет.

Однажды турецкая бомба, шипя и крутясь, упала в самую середину возводимой русскими батареей.

Запальная трубка ее горела ярким огнем. Бомбардиры батареей роты бросились в разные стороны. И только один Рудаченко не растерялся.

Он спокойно подошел к турецкой бомбе, подхватил ее на руки и выбросил обратно. Бомба упала в ров, разорвалась, осколки ее высоко взлетели над батареей и упали.

Рядовые, обступив смельчака, глядели на него с изумлением. А Рудаченко сказал:

— Кабы вы поменьше зевали да побольше дела делали, так и беды было бы меньше. Давайте-ка ответим на гостинец.

Канониры бросились к одной из осадных пушек, вкатили ядро. Рудаченко скомандовал:

— Пли!

Грохот и дым вырвались из жерла.

За первой пушкой грохнула вторая, третья...

Осадная батарея заговорила. Вершина, на которой она стояла, возвышалась над Силистрией. Русские снаряды падали прямо в крепость. Турки вынуждены были прекратить пальбу. Спокойствие и расторопность Рудаченко ободрили молодых солдат.

Генерал Рот, командовавший корпусом, приехал осмотреть батарею. Артиллеристы выстроились у орудий.

— Здорово, молодцы! — сказал Рот.

— Здра, вашство! — покатилося по рядам канониров.

Капитан Козерогов шел рядом с генералом. Рот спросил:

— Скажите, это вы надоумили их стрелять по туркам?

— Никак нет, — забормотал Козерогов. — Недосмотр. Вверенный мне рядовой Рудаченко выпалил по собственному почину.

— Рядовой? — переспросил Рот.

— Так точно.

— Покажите-ка мне его.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

Капитан приложил руку к козырьку и распорядился.

Фельдфебель Громыка, придерживая на ходу шапку, кинулся искать виновного.

Первый заметил бегущего фельдфебеля Евсей Нылыч.

— Ястреб летит, — проворчал он, — быть беде.

Через мгновение Рудаченко увидел у своего носа угрожающий фельдфебельский кулак.

— Рудаченко! — крикнул, задыхаясь от быстрого бега, Громыка. — Шевелись... Ужо тебе...

И повел бомбардира к начальству.

Генерал Рот, прищурясь, заложив руку за спину, секунд двадцать рассматривал рядового. Потом спросил:

— Хохол?

— Никак нет, вашство, — отчеканил бомбардир. — Воронежский.

— Так. А скажи, братец, кто тебе разрешил по туркам палить?

Рудаченко вздрогнул; ладонь, приподнятая к козырьку кивера, сразу вспотела. Вопрос грозил дисциплинарным взысканием. Бомбардир еще больше вытянулся, выпятил грудь и отвечал глухо:

— Виноват, вашство. Так что сдогадался...

Генерал Рот расправил ладонью седые усы, спросил ласковее:

— Так, а скажи, братец, что должен делать солдат?

— Солдат должен, — замылся Рудаченко, — так что не падать духом, вашство.

— Врешь, братец! — перебил генерал, изумясь солдатской ловкости. — Это по уставу дальше следует. А прежде всего солдат должен повиноваться начальству. Вот тебе рубль. А если в другой раз «сдогадаешься», под арест посажу.

— Рад стараться! — гаркнул Рудаченко и отошел.

После этого слава о храбром рядовом, выбросившем горящую бомбу обратно к туркам, прошла по всему корпусу, и даже капитан Козерогов стал от-

носиться к бомбардиру Рудаченко как-то ласковой и снисходительней.

Кольцо осадных укреплений вокруг Силистрии сдвигалось все тесней и тесней.

Осадная батарея, на которой находился Рудаченко, буквально не давала туркам возможности открыть стрельбу. Меткие снаряды, посылаемые бомбардирами, разрушили один из фортов крепости. Образовался пролом. Генерал Рот отдал приказ идти ночью на штурм.

В этот решительный бой должен был двинуться весь шестой корпус. Солдаты надевали чистое белье, готовясь к битве.

В полночь русские полки вышли из укреплений и устремились к пролому.

Впереди, карабкаясь по каменистым скатам, ползли пластуны и смельчаки Охотного полка. За ними шагала пехота.

Ночь была звездная.

Генерал Рот стоял на холме. Перед ним взвод за взводом проходили войсковые части.

Капитан Козерогов вел батареиную роту.

Турецкие сторожевые посты встретили русских ружейным огнем. Эти выстрелы всполошили спящий гарнизон. Со всех концов крепости на помощь часовым стекались защитники Силистрии. Но было уже поздно.

Пластуны и охотцы, оттеснив турок, овладели проломом. Хлынувшая вслед за пластунами пехота ворвалась в крепость. В ночной темноте завязался страшный рукопашный бой. Многоголосое «ура» и вопли умирающих слились в общий гул.

Шальная пуля пробила капитану Козерогову голову. Оставшись без командира, батареиная рота все же бросилась в штыки. Огромного роста турок заколол ефрейтора Громыку. Фейерверкер Евсей Нилыч ударил турка прикладом. Турок упал, но сразу шестеро других бросились на старика.

— Держись, Нилыч! — крикнул Рудаченко и ударил одного из заседавших на фейерверкера врагов прикладом.

Турок упал. Евсей Нилыч выстрелом уложил второго турка. Длинноногий рязанец Пахомов тоже кинулся спасать общего любимца роты и заколол штыком

Рудаченко ударил одного из наседавших врагов прикладом.

третьего. Остальные, видя, что им троим не одолеть троих русских, обратились в бегство. Фейерверкер был спасен.

Русская пехота, опрокинув защитников Силистрии, ворвалась в город. Впереди батарейной роты бежал Рудаченко, хрипло крича: «Ребята, за мной!»

После короткого боя на улицах турки выкинули белый флаг и сдались.

Силистрия была взята. Когда рассвело, генерал Рот, объезжая войска, поздравлял солдат с победой.

Подъехав к сильно поредевшей батарейной роте, он спросил:

— Ну, молодцы, много ли вас осталось?

Бомбардир Рудаченко, стоявший на правом фланге, ответил:

— Крепости на три будет.

Генерал слез с коня, поцеловал бойкого солдата и поздравил с повышением в чин фейерверкера.

Евсей Нилыч получил медаль.

Вскоре после взятия Силистрии турки запросили мира. Русская армия вернулась на родину.

Рудаченко подал просьбу на высочайшее имя о предоставлении ему отпуска на две недели, чтобы взглянуть на отца и мать, которых он не видал уже двенадцать лет.

Император Николай Первый, получив солдатскую просьбу с приколотым к ней хорошим отзывом военного начальства, собственноручно на прошении Рудаченко начертал: «Нечего ему там делать».

Так и остался Демьян Рудаченко на военной службе, и что с ним случилось — неизвестно.

ТРЕТИЙ БАСТИОН

В шесть часов утра туман рассеялся. В третий бастион принесли на завтрак ушат с кашей. Солдаты и матросы обступили его и торопливо принялись есть. Дежурный лейтенант Головинский, наблюдавший в это время за неприятелем, заметил, как из французских окопов выглянули дула орудий. Он хотел было пойти доложить начальству, но над его головой просвистело пушечное ядро.

— Ваше благородие, бить тревогу или не бить? — спросил седоусый барабанщик.

— Бей, — ответил Головинский.

Но тут второе ядро, перелетев прикрытие, сбilo барабанщика. Он упал не вскрикнув. Снаряд перебил ему ноги.

Солдаты бросились к раненому.

— Пропал Павлюк! — гаркнул сигнальщик. — Дедушка! Что мы будем с тобой делать? — забормотал он, склонившись над раненым.

— Что? Ничего. Чего вы галдите, бесовы дети? — прошептал барабанщик.

Его приподняли. Кто-то из солдат побежал за санитарями.

— Бинтов захвати, а то кровью изойдет! — закричали ему вслед столпившиеся вокруг Павлюка товарищи.

— Крови нет, — прохрипел раненый, хмуро посмотрев на сочувственные лица артиллеристов.

— Да ты же так помрешь, Павлюк, — сказал сигнальщик.

— Ну что ж... Я и без тебя знаю, что умру, — возразил барабанщик. — Братцы!.. А нет ли у кого табаку? Хочется закурить перед смертью.

Рыжий матрос сунул ему в руку трубку и кисет с табаком. Павлюк закурил, закашлялся и спросил:

— Скажи, Кошка, как ты разжился таким табаком?

— В губернии купил, папаша, — ответил матрос.

Барабанщик покачал головой:

— Добрый табак. Такого давненько не курил. Ну, братцы, будьте здоровы! Помираю.

— К орудиям! — скомандовал Головинский.

Гул и грохот заглушили его слова. Граната разорвалась у бруствера, обдав его защитников обломками щебня и земляной пыли.

Кто-то крикнул:

— Берегись! Жеребец летит!

Бомба пронеслась над бастионом. Запальная трубка ее горела ярким пламенем. Бомба, шипя и крутясь, упала посредине площадки, как раз у того места, где лежал мертвый Павлюк.

— Эй, прячься! — завопил сигнальщик. — Разорвет в куски!

Солдаты ринулись в разные стороны, ища спасения.

Лейтенант Головинский прижался к стене, бледный как полотно.

И только матрос Кошка, одолживший Павлюку табак, не растерялся.

Он бросился к бомбе, приподнял ее и швырнул в ушат с кашей.

Запальная трубка зашипела и погасла. Он вытащил бомбу из ушата, перекинул через бруствер обратно в ту сторону, откуда она прилетела.

Все, кто прятался, сразу обрадовались. Страх прошел.

— К орудиям! — снова скомандовал Головинский. Артиллеристы бросились к пушкам.

— Одиннадцатая, двенадцатая!.. — закричал лейтенант.

Сигнальщик приложил дымящийся фитиль к затравке. Дым и грохот вырвались из пушечного жерла.

— Это им за Павлюка, — пробурчал матрос.

Ответная пальба с бастиона началась. Воздух застоялся от грохота снарядов. Едкий пороховой дым навис, как туман.

Через полчаса пальба с французских батарей начала умолкать. Утомленный неприятель стрелял все реже и реже. Наконец умолк и бастион.

Мертвого Павлюка санитары унесли в госпиталь.

Лейтенант Головинский, сменившись с дежурства, ушел в офицерскую землянку отдыхать. Солдаты принялись за прерванную еду. Начались разговоры, смех.

— Ты ему побольше наложи! — кричали бойцы раздатчику каши. — Он бомбам не кланяется.

Матрос Кошка с усмешкой отвечал зубоскалам:

— Всякой дуре кланяться — шея заболит.

— Ишь ты! — ворчал сигнальщик. — Как тебя не разорвало?

— Меня-то? — переспросил матрос. — Меня ни бомба, ни пуля не берет.

— А штык как? — лукаво донимали солдаты.

Рыжий черноморец ухмылялся, черпая кашу ложкой.

— Штык? Что ж... Штык не знаю как...

В это время лейтенант Головинский, сидя в землянке, выводил карандашом на бумаге жирную цифру: «1854». Его партнер по картам капитан Перекомский ушел дежурить на бастион.

Медленно потягивая чубук, лейтенант писал родным.

Он писал им о том, как по прихоти императора Николая Павловича неподготовленная Россия была втянута в войну.

Четыре вражеские армии, переплыв на кораблях Черное море, подошли к берегам Крыма.

Русские войска не смогли помешать высадке неприятельских десантов.

После большого неудачного боя при местечке Альма, расположенном вблизи Севастополя, русское командование начало укреплять город.

Вход в бухту был прегражден затопленными старыми кораблями, а на берегу выстроили укрепления. Враги не смогли взять их и начали планомерную осаду. Она шла уже десятый месяц.

Написав письмо, лейтенант прилег на койку и задумался. Дремота одолела его. Он заснул.

Выйдя на дежурство, капитан Перекомский обходил бастион. Проверив два орудия в правом углу бастиона, он пошел в левый угол. Куча солдат, столпившись у бруствера, глядела в сторону вражеских окопов.

— Разойдись! — крикнул капитан.

Но солдаты будто не слышали. Он подошел вплотную и тронул одного из них за плечо.

Солдат обернулся. Это был сигнальщик. Увидев командира, он встал во фронт.

— Что за базар? Порядка не знаете! — вспылил Перекомский. — Глазеете, как бабы. Ну, чего не видели?

— Вашбродь, — отозвался сигнальщик, — дозвоьте доложить. Так что лошадь...

— Какая лошадь? — переспросил капитан. — Что ты чепуху порешь?

— Никак нет, — упрямо ответил сигнальщик. — Так что лошадь... Извольте взглянуть.

Перекомский подошел к краю бруствера и выглянул.

По полю, между третьим бастионом и вражеским окопом металась рослая лошадь без всадника. На спине ее торчало дорогое седло. Ускакала ли она, сбросив седока, или по недосмотру от хозяина убежала, оборвав привязь, — неизвестно.

Над английским окопом виднелись головы стрелков. А выйти за беглянкой было боязно. Под пулю попадешь.

Кто-то тронул Перекомского за рукав. Он обернулся и увидел рыжеватого матроса. Это был смельчак, бросивший в ушат с кашей залетевшую бомбу.

Но об этом случае Перекомский еще не знал. Лейтенант Головинский, угрюмый и молчаливый человек,

сменившись с дежурства, не успел ему рассказать, как матрос Кошка потушил горящий снаряд.

— Ваше высокоблагородие, — спросил матрос, — дозвольте лошадью завладеть?

У капитана Перекомского была природная болезнь: в затруднительных случаях голова его дергалась. И получалось, как будто он соглашался. Это приводило к недоразумениям.

— Как тебя звать? — спросил он матроса.

— Петром, — бойко ответил черноморец.

— Я не имя, братец, а фамилию спрашиваю, — буркнул капитан.

— Кошка, — сказал матрос. — Дозвольте, ваше благородие, очень уж лошадка хороша...

Лицо Перекомского побагровело. Он подумал, что такой фамилии быть не может, а это ему, капитану, солдаты приклеили такое прозвище.

— Как фамилия? — переспросил он, и от растерянности голова его дернулась.

Матрос, приняв кивок за согласие, козырнул, бросился к насыпи и мигом перелез через бруствер. Солдаты остолбенели от удивления. Только сигнальщик успел крикнуть:

— Вертайся, Петро. Убьют!

В ответ снизу глухо донеслись слова:

— Ребята! Палите по мне! Пусть смекают, что я до их бегу.

Перекомский очнулся первым..

— Что стоите? — крикнул он. — Палите скорее... холостыми...

Сигнальщик вскинул ружье. Грохнул первый выстрел, за ним другой, третий.

Из вражеского окопа высунулись стрелки, с удивлением разглядывая бегущего человека, по которому со стороны русских шла частая ружейная стрельба.

Он бежал зигзагами, спотыкаясь, припадая к земле и снова учащая шаг. В этот миг ни у кого не возникло сомнений в том, что это перебежчик. Из вражеского окопа ему махали руками, касками, кричали, чтобы он бежал быстрее. Вот он поровнялся с лошадью, нагнулся, перехватил волочившиеся по земле поводья и вдруг вскочил на седло. Лошадь рванулась, взвилась на ды-

бы, но матрос ударил ее стремями в бока и, повернув, поскакал обратно в русскую сторону.

Не успели враги опомниться, а он уже был у своего бастиона. С вражеской стороны запели пули, но тщетно. Смельчак, перемахнув с разбегу через бруствер, влетел к своим.

Со всех сторон к нему бежали защитники бастиона.

— Ваше высокоблагородие! Вот вам конь, — сказал матрос, слезая с седла. И, кивнув с усмешкой в сторону неприятеля, добавил: — А они пусть теперь на козе покатаются.

— Голубчик, — ответил Перекомский, — дай я тебя за удал поцелую!

Солдаты обступили их. Крича «ура», они принялись качать храбрца.

С тех пор матрос Кошка стал гордостью третьего бастиона.

Севастополь, как разъяренный лев, отбивался от врагов.

После нескольких неудачных атак неприятель приступил к планомерной осаде города.

К надземной войне прибавилась подземная. Французские саперы рыли в земле тайные ходы, подбираясь к русским позициям.

Русские взрывали эти ходы минами и фугасами.

Осада затянулась. Дни стали короче. Подошла зима. Земля обледенела, покрылась снежным покровом.

Однажды ночью из третьего бастиона сделали вылазку. Шестьдесят солдат пробрались к вражеским окопам, но французы их заметили, открыли стрельбу и многих убили. Оставшихся в живых спасла поднявшаяся метель. Они с трудом добрались до бастиона.

К рассвету метель улеглась. Сигнальщик, через отверстие в бруствере следивший за неприятелем, заметил, что у вражеского окопа, прислонившись к насыпи, стоит неподвижно наш унтер-офицер.

Сигнальщик подозвал товарищей. Начались толки и разговоры. Кто-то из солдат, ходивших на вылазку, присмотревшись внимательней, сказал:

— Конечно, это наш Ефим Тимофеевич... Замерзший он, братцы.

Смельчак перемахнул с разбегу через бруствер.

— Вороги над покойником тешатся! — возмутился сигнальщик. — Нарочно его караульным выставили...

— Нам на позорище, — добавил один из артиллеристов.

К разговаривающим подошел матрос Кошка. Узнав, в чем дело, он тоже присоединился к общему негодованию.

— Ведь это же обидно, братцы! Эх, сердечный! И бежать не может, потому как мертв. Как бы его сюда доставить?

— И думать нечего, — возразил сигнальщик. — Убьют.

— А вот я попробую, — ответил Кошка.

— Ничего не выйдет, — проворчал один из солдат. — Подстрелят тебя французы, как зайца.

— Посмотрим! — сказал Кошка и пошел искать лейтенанта Головинского.

Выслушав матроса, лейтенант пожал плечами:

— На такое дело дать разрешения я не могу. Ступай к капитану.

Кошка, мрачно козырнув, отправился в капитанскую землянку. Осторожно приоткрыв дверь, чтобы не выпустить тепло, он увидел, что Перекомский что-то пишет. Капитан составлял очередные сводки убитых и живых.

Увидев матроса, он положил карандаш. Матрос снул шапку.

— Ваше благородие, — сказал Кошка. — Дозвольте спасти товарища от надругания.

— Какого товарища? — спросил Перекомский.

Кошка рассказал о мертвом унтере. Капитан нахмурился.

— Опять чудишь? — буркнул он. — А что, если подстрелят? Незачем живому из-за мертвого пропадать. Не могу разрешить.

Но Кошка стоял на своем.

— Ваше высокоблагородие, — бормотал он, — меня пуля не трогает. Отпустите, будьте так милостивы... Дозвольте...

Он так упорно кланчил, что Перекомский не выдержал.

— Ну, черт с тобой! — сказал он. — На меня не пеняй. Сам в могилу лезешь. Пойду просить Панфилова.

Начальник оборонительной линии севастопольских укреплений контр-адмирал Панфилов после уговоров дал наконец разрешение.

Довольный Кошка отправился в землянку и целую ночь оттуда не выходил. Взяв матрац, он распорол его, вытряхнул солому и сшил себе из холстины мешок. А для рук и головы сделал прорези.

Рано поутру он напялил на себя мешок и выбрался с бастиона. Спустившись с бруствера вниз, он осторожно пополз.

В утреннем тумане белая холстина почти сливалась со снегом. Ползти было трудно. Обледенелые камни раздирали руки до крови.

До вкопанного в землю мертвеца оставалось еще шагов сто, а уже начинало светать. Ползти дальше было бесцельно и опасно.

Кошка залег на снегу и весь день пролежал до темноты.

Руки и ноги заоченели, не разогнуть.

Когда стемнело, он опять пополз. Кое-как добрался до мертвеца, вытащил широкий нож, начал тихонько откапывать. Мерзлая земля поддавалась туго. Он долбил ее ножом. Искрошенные комья осторожно вынимал пригоршнями, отбрасывал в сторону.

Работал он долго, несколько часов. Наконец откопал. Труп стал качаться в яме. Кошка, обмотав мертвеца веревкой, привязал его к своей спине. С усилием он вытащил труп из ямы и медленно, изредка останавливаясь, двинулся в обратный путь.

Нести тяжело, и уже опять светать начинает.

Заметили англичане, что кто-то по снегу ползет, открыли пальбу.

Пули летят, а Кошка все ползет, мертвец у него на спине.

Вот уже наша горка близко.

Надо вверх подниматься, а сила вся на исходе.

Все колени и локти изодраны, не доползти никак.

Вскочил Кошка и побежал.

Бежит он, спотыкается, а пули все гуще да чаще.

Заприметили англичане, что пропал труп, поняли все, стали палить залпами.

Споткнулся Кошка, упал, потом опять поднялся...

Тут выскочили товарищи на подмогу, втащили смельчака с покойником на бруствер.

Все радовались и хвалили храброго матроса.

Севастополь переживал последние дни осады. Французам удалось захватить одно из главных укреплений города — Малахов курган.

Командование отдало приказ покинуть Севастополь.

Отойдя от города, русские войска стали строить новые укрепления.

Одиннадцатимесячная осада измучила обе воюющие стороны. Начались переговоры о мире. Вскоре он был подписан.

По окончании войны многие из русских моряков и солдат, в том числе и Кошка, получили возможность вернуться на родину. Как прошла его дальнейшая жизнь, никто не знает.

А через много лет в Севастополе был сооружен бронзовый памятник адмиралу Корнилову.

Раненый адмирал указывает рукой на укрепление. Внизу надпись: «Отстаивайте Севастополь!»

У ног его возле небольшой пушки стоит матрос Кошка с ядром в руках.

НА СОСКАХ МАНЬЧУРИИ

Перед каждым очередным парадом в первой роте Нижегородского пехотного полка неизменно происходил один и тот же разговор.

Фельдфебель Копыто почтительно докладывал ротному командиру:

— Так что, ваше высокоблагородие, Бондаренку дозволейте не иначе, как дневальным оставить.

Ротный, пожилой капитан, озабоченный предстоящим смотром, нервно теребил редкую бородку и переспрашивал:

— Почему ты так думаешь?

— Иначе никак не сподручно, — отвечал фельдфебель. — Бондаренко нам весь церемониал испортит. Ростом он как медведь. Стало быть, его на правый фланг ставить надо, а равняться по нем не можно, потому как у него что ни шаг, то сажень. Левый фланг с ним пропасть должен.

Ротный соглашался:

— Да, пожалуй, ты прав, Копыто... Оставь его в роте дневальным. И впрямь, еще испортит смотр. Нескладный какой-то.

— Так точно. Дурной, ваше высокоблагородие.

— Дурной? Почему?

— По-нашему, ваше высокоблагородие, по-мужички. А по-благородному, значит, будет дурак.

Услышав это, капитан обычно смеялся и отпускал фельдфебеля.

День смотра был для Бондаренко сплошным страданием. С утра он поднимался раньше всех, чистил винтовку, бляху на поясе, пуговицы, старательно пересматривал все свое несложное солдатское хозяйство. И когда роте надо было строиться, он сиял всей своей амуницией, как медный котелок после чистки.

Но тут его всегда ждало огорчение.

Перед тем как строиться, взводный унтер-офицер неизменно его вызывал и говорил:

— Бондаренко! Останешься в роте дневальным.

Бондаренко вздрагивал и умоляюще шептал:

— Господин взводный...

— Молчать! — кричал на него унтер. — Поговори еще! Сказано — останешься дневальным, и шабаш!

Бондаренко сокрушенно вздыхал:

— Що усе дневальным да дневальным! Треба хоть разок мени на парад пийты.

Огромный и действительно нескладный, с добродушным и немного глуповатым от огорчения лицом, он вызывал дружный хохот.

Солдаты смеялись:

— Куда тебе на парад! Ты там всех генералов перепугаешь. Этакий страшенный!

Рота строилась. Бондаренко делал последнюю попытку.

Он становился на свое место у дверей казармы и при появлении ротного командира громовым голосом кричал:

— Смирно!

Но и эта угодливая лесть не удавалась.

Ротный вздрагивал:

— Тьфу ты! Глотка луженая! Орет так, что оглохнуть можно. Здорово, братцы!

— Здра, ваш высокбродь! — отвечала рота.

Рота уходила, а Бондаренко оставался дневалить. Тоскливо бродил он по казарме, ожидая, когда его товарищи вернутся с парада. И когда солдаты, усталые, недовольные длительной маршировкой, возвращались, Бондаренко их завистливо расспрашивал:

— Як, братцы, осмотр прошел?

— Эх ты, голова! — шутили «братцы». — Разве наша рота подгадит? Одно слово — первая рота!

— А що, трошки «спасибо» получили? — спрашивал Бондаренко.

— И еще сколько разов! — отвечали товарищи, перемигиваясь друг с другом. — Генерал с нашим ротным даже за ручку здоровался. «Благодарю! — говорит. — Какие у вас молодцы!»

Бондаренко сокрушенно вздыхал и спрашивал:

— Що таке, братцы, мени нет хода? Солдат як солдат, а як парадом пишли, так мени до кухни...

Солдаты смеялись:

— Быть тебе вечным дневальным.

Один только взводный сочувствовал Бондаренко.

— Хороший солдат, — говорил он, — и стрелок первостатейный, а только нет в нем выправки. Для парадной службы не приспособлен. Дурной какой-то.

И солдаты хором повторяли: «Дурной». Та... эта кличка к Бондаренко и приклеилась.

Тысяча девятьсот третий год завершался тревожно. Япония готовилась к войне.

В казарме война сделалась главной темой разговоров. Случайно попадавшие газеты читались вслух от доски до доски, но статьи, помещенные в них, неясно излагали ход происходивших событий.

— Непонятно пишут, — жаловались солдаты. — Слова как будто русские, а понять ничего невозможно.

Вскоре появились слухи о мобилизации.

Солдаты передавали друг другу по секрету:

— В полковой канцелярии писаря сказывали, что есть такой приказ, чтобы к походу готовиться.

— В Маньчжурию?

— Неизвестно. Или под японца, или под англичанку...

Однажды во время утренних занятий приехал коман-

дир полка. Он редко приезжал в казарму. Занятия моментально прекратили. Наступила тишина.

Поздоровавшись, он хмуро оглядел солдат, медленно высморкался и, спрятав платок в карман шинели, объявил, что приказано от каждой роты отобрать по десять человек для похода на Восток.

Объявив это, он повернулся и уехал.

На другое утро спозаранку начались поспешные приготовления к смотру. Бондаренко готовился усердно вместе со всеми. К нему подошел взводный и объявил:

— Бондаренко! Встанешь дневальным.

Сапожная щетка выпала из рук солдата. На глазах навернулись слезы. Он истерически крикнул:

— Не желаю!

Взводный опешил. Солдаты замерли от такого смелого нарушения дисциплины. А Бондаренко упорно бубнил:

— Не желаю! Не желаю! Не желаю!..

Взводный пришел в себя.

— Ах ты, дурак! — заорал он. — Да как ты смеешь так с начальством разговаривать? Под суд захотел?

— Нехай дурак, нехай под суд, а дневальным не желаю, — настаивал Бондаренко.

Случай был из ряда вон выходящий. Доложили фельдфебелю. Он тоже попробовал урезонить взбунтовавшегося украинца, но безуспешно.

Бондаренко стоял на своем:

— Не желаю!

Фельдфебель плюнул:

— Тьфу! Быть тебе под судом. Придется ротному докладывать.

Узнав о неповиновении солдата, ротный угрожающе сдвинул брови:

— Что? Бунтует? Позвать его сюда!

— Слушаюсь! — гаркнул фельдфебель и выбежал искать виновника.

Бондаренко явился, громадный, взволнованный, с трясущейся челюстью.

— Ты что, братец, приказаний не исполняешь? — спросил ротный.

— Виноват, ваше высокоблагородие, а тильки я не желаю, — объявил Бондаренко. — Нехай под суд пиду...

К всеобщему удивлению солдат, капитан вдруг приказал фельдфебелю:

— Чорт с ним! Поставить его в строй. Пусть идет на парад!

И добавил, обращаясь к Бондаренко:

— Ну ты, дурной, смотри! Если мне смотр испортишь — берегись!

Через час Бондаренко уже шагал на правом фланге, поглядывая с победным видом на своих товарищей.

Парад прошел довольно гладко. В конце смотра снова объявили об отборе желающих ехать на Дальний Восток. Генерал подошел к первой роте, скомандовал:

— Охотники, три шага вперед!

Вся рота, дрогнув, сделала три шага и замерла. Это было сделано по тайному распоряжению капитана для показа. Бондаренко не рассчитал своих огромных шагов и очутился впереди своих сажени на две.

— Это что за чудовище? — удивился генерал.

— Рядовой Бондаренко, ваше превосходительство, — доложил ротный. — Придурковат немного.

Генерал подошел к Бондаренко:

— Ну что, братец, хочешь в охотники?

— Так точно, вашество! — гаркнул Бондаренко так громко, что генерал отшатнулся.

— Ну и глотка! — сказал он ротному. — Запишите его. А меж остальными бросьте жребий.

И повернулся к следующей роте.

После парада все в роте говорили о Бондаренко:

— Вот дурной! Сам напросился. Повезло... Дураку дурацкое счастье и есть.

Но Бондаренко будто не слышал всех этих колких шуток: он был доволен тем, что побывал на параде, и больше ни о чем не думал. Через неделю он был уже в походе.

Солнце жгло нещадно.

В глубокой лощине, в покинутой жителями деревушке расположилась на отдых рота одного из сибирских полков.

Рота была выслана на разведку: посмотреть, нет ли где поблизости врагов. Пройдя верст двадцать и не встретив ни души, она расположилась на отдых.

Стрелки, утомленные тяжелым переходом, отдыха-

ли, лежа на земле. Ротный, сидя на барабане, что-то записывал в блокнот.

Бондаренко лежал на спине, задрав кверху ноги.

Солдаты смеялись.

Бондаренко равнодушно слушал остроты.

В таком положении лучше отдыхали усталые от ходьбы ноги.

От скуки и глядя на него, солдаты тоже стали поднимать ноги. И скоро рота приняла странный вид.

Спрятав в карман блокнот, ротный сказал молодому подпоручику, единственному младшему офицеру:

— Дальше, я думаю, итти не стоит. Неприятеля, повидимому, нигде нет, а люди устали...

— Все же следовало бы вот тот лесок обшарить, — сказал подпоручик, указывая на видневшуюся неподалеку заросль.

— Пожалуй, вы правы, — пробурчал ротный. — Ну что ж, возьмите несколько человек и посмотрите.

— Слушаюсь! — ответил подпоручик, приложив руку к козырьку фуражки.

Взяв пятерых солдат, он отправился к леску. Вдруг в воздухе запела пуля. За ней еще и еще. Подпоручик, взмахнув руками, упал лицом в траву.

За ним свалился солдат, потом второй, третий. Остальные двое побежали назад.

Рота вскочила. Раздалась команда:

— В ружье!..

Взволнованные и растерянные солдаты бросились к ружьям.

Град пуль сыпался на них. Один за другим падали и умирали люди.

Ротный командир что-то хотел скомандовать, но не успел и, только крикнув: «Рота!..», упал мертвым.

Другая пуля свалила фельдфебеля. Падая навзничь, он прохрипел:

— Вышибай япошек из леса, братцы, иначе пропадем!..

Рота осталась без начальства. Среди солдат началась паника.

Кто-то, бросив ружье, побежал назад и упал, сраженный пулей. За ним другой, третий.

«Пропадем, все как есть пропадем», думал Бондаренко.

И вдруг его осенила светлая мысль. Вскочив, он крикнул:

— Рота, смирно! Слухай мою команду!

Эти слова звучали как спасение. Для растерявшихся людей нужен начальник, кто бы он ни был, нужен господ, которому надо повиноваться.

Когда раздалась команда, паника сразу прекратилась. А Бондаренко уже распорядился, словно всю жизнь командовал ротой:

— Слухай мою команду! Рота, влево в цепь! Ложись! Пали!

Рота рассыпалась, как на ученье, открыла частый огонь.

Из леса тучей высыпали японцы. Казалось, они раздавят горсть русских смельчаков, которым и помощи ждать было неоткуда.

Бондаренко скомандовал:

— Вперед, братцы, в штыки их!

И, вскочив и высоко подняв винтовку, первый с криком «ура» бросился в атаку.

— Ура! — подхватили бойцы.

Рота пошла в штыки. Громовое «ура» смешалось с японским «банзай». Начался штыковой бой.

— Не пиддавайся, братцы! — вопил Бондаренко, работая прикладом. — Ура! Бей их!

И вдруг откуда-то сзади донеслось, как эхо, «ура».

Бондаренко оглянулся. С винтовками наперевес на помощь роте бегом шел батальон русских стрелков. В эту секунду японская пуля ударила его в висок. Он рухнул, как подкошенный.

Японцы дрогнули и побежали. Бой скоро кончился. Солдаты подбирали убитых и раненых. Прискакал генерал, чтобы выяснить подробности нападения.

Узнав, что все офицеры были убиты в начале схватки с врагом, он спросил:

— А кто же вел роту?

Тут все удивились:

— В самом деле, кто же вел роту?

Один из уцелевших солдат ответил:

— Рядовой Бондаренко, вашство!

— Где он? — спросил генерал.

— Убит, вашство...

— Разыскать его. — приказал генерал.

Солдаты побежали искать мертвеца.

В зарослях они скоро наткнулись на труп Бондаренко. Он лежал, уткнувшись головой в кусты, громадный, неподвижный. Потускневшие глаза его неподвижно глядели в знойное небо.

Бондаренко торжественно похоронили. Над могилой трижды прогремел прощальный залп.

Остатки роты возвращались из разведки. Солдаты, шагая в строю, поминали песней того, кому они были обязаны своим спасением.

Они пели:

Як він вмер, він не казав,
Що він добрий був казак.

Так умер на маньчжурских полях незаметный герой
Остап Бондаренко.

Цена 1 р. 25 к.

